В. Б. Броневский

Записки морского офицера

1805–1810

• КУЧКОВО ПОЛЕ •

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Военные мемуары (Кучково поле)

Владимир Броневский

Записки морского офицера, в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год

Издательство «Кучково поле»

1836

УДК 94
ББК 68.3(2)47

Броневский В. Б.

Записки морского офицера, в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год / В. Б. Броневский — Издательство «Кучково поле», 1836 — (Военные мемуары (Кучково поле))

ISBN 978-5-9950-0503-2

Военный писатель, генерал-майор В. Б. Броневский (1784–1835) посвятил свой труд Второй архипелагской экспедиции 1805–1835 годов под командованием адмирала Д. Н. Сенявина, целью которой было укрепление баз русского флота на Ионических островах во время войн Третьей и Четвертой антифранцузских коалиций и Русско-турецкой войны 1806–1812 годов. Этот труд считается и по сей день самим достоверным источником для изучения истории экспедиции Сенявина.

УДК 94
ББК 68.3(2)47

ISBN 978-5-9950-0503-2

© Броневский В. Б., 1836
© Издательство «Кучково поле», 1836

Содержание

К читателю 5
Часть первая 7
Приуготовление к кампании. – Отбытие из Кронштадта. – Плавание до Ревеля 7
1806 год 37
Конец ознакомительного фрагмента. 44

В. Б. Броневский
Записки морского офицера, в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год

К читателю

Служа на флоте от начала до конца кампании в плавании от Кронштадта чрез Зунд, Английский канал и Атлантический океан в Средиземное море, был я на большей части островов Архипелага и Далмации, обозрел Сицилию, Мальту и Сардинию, возвратился от Дарданелл в Лиссабон и, наконец, в третий раз прошед Гибралтарский пролив, отправился из Триеста сухим путем чрез Каринтию, Штирию, Венгрию и Польшу обратно в Кронштадт. Таким образом, обошед Европу, видел я лучшие ее страны, знаменитые происшествиями, славные своими древностями, просвещением и науками; я вел ежедневные записки о тех событиях, коих был очевидец, и о том, что казалось мне достойным внимания и любопытства.

Подвиги российского флота на водах Средиземного моря и беспрестанное торжество малого, бывшего при нем числа сухопутных войск над неприятелем искусным, превосходным в силах и способах, увенчав новыми неувядаемыми лаврами победоносное российское оружие, прославили в Европе имя знаменитого вождя их вице-адмирала Сенявина, несмотря что, по обстоятельствам того времени и по происшествиям неожидаемым, славный поход сей не имел соответствующих делам своим блистательных последствий. Питая непоколебимую любовь к Отечеству, действуя в духе кротости своего монарха, Сенявин был не только душой своих подчиненных, но приобрел неограниченную доверенность народов, России приверженных. Самые неприятели почитали его: снисхождение английского правительства, толико не уступчивого, и личное уважение адмирала Каттона помогло Сенявину в затруднительных обстоятельствах сохранить флот и спасти честь флага, доселе не побежденного. Лиссабонский договор останется в военной истории памятником и свидетельством заслуг его: но деяния сии известны только немногим, ибо истинное мужество идет одной стезей с скромностью; прямая служба без пронырств; характер твердый без надменности, не имеет целью единого блеска, минутного торжества; награду свою он видит в делах своих; надежду – в любви и воспоминании его подчиненных.

Записки сии, как и многие другие, долженствовали остаться в забвении, ибо к изданию оных я не имел никаких средств; но по прибытии моем в Петербурге его превосходительство Логин Иванович Голенищев-Кутузов, под начальством коего был я воспитан в Морском корпусе, всегда поощрявший меня в моих занятиях, постоянно во всех случаях милостивый и снисходительный ко мне, и ныне, нашед подлинник мой достойным внимания, сообщил оный г(осподину) президенту Российской академии, заступлением и благосклонным отзыв коего книга сия принята под покровительство Российской академии и Государственного адмиралтейского департамента, выдано для напечатания оной пособие и указом Адмиралтейского департамента повелено из архива выдать мне настоящие акты и все дела, откуда для вернейшего описания могу бы я почерпнуть нужные сведения.

В полной надежде на снисхождение отечественной публики предлагаю историческое повествование сего достопамятного похода и вместе путевые мои замечания, мысли и впечат-

ления, изложенные в хронологическом порядке. Счастливым почту себя, если просвещенные читатели удостоят благосклонным принятием сей первый труд мой и если принесу удовольствие служившим тогда на флоте и в 15-й пехотной дивизии в Корфе находившимся офицерам изображением тех битв, где каждый из них имел неотъемлемую часть своей славы.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

Господину вице-адмиралу, Государственного Совета члену, Государственного адмиралтейского департамента непременному члену, Императорской российской академии президенту, Императорской академии наук, Императорских университетов, Харьковского и Казанского, и многих других ученых обществ почетному члену, орденов Св. Александра Невского, Св. Равноапостольного Владимира 1-й степени большого креста и Св. Анны 1-й степени кавалеру

АЛЕКСАНДРУ СЕМЕНОВИЧУ
ШИШКОВУ.

Часть первая

Приуготовление к кампании. – Отбытие из Кронштадта. – Плавание до Ревеля 1805 год

В половине 1805 года политический горизонт Европы покрылся тучами. Непомерное честолюбие Наполеона Бонапарта было причиной великих к войне приуготовлений. Россия, Англия и Австрия приняли в оной деятельное участие. Вследствие сего, к прежним силам[1] нашим, защищавшим Ионическую республику, повелено отправить еще пять кораблей и один фрегат. Начальство над сей эскадрой вверено контрадмиралу Сенявину, который тогда же произведен в вице-адмиралы с властью главноначальствующего над флотом и сухопутными войсками, находившимися в Средиземном море. В то же время вспомогательная армия, под предводительством знаменитого генерала Голенищева-Кутузова, двинулась к границам Австрии. Другой корпус под начальством генерал-лейтенанта графа Толстого назначен для освобождения Ганновера, занятого неприятелем.

В начале августа Кронштадт оживился необыкновенной деятельностью. Флот, состоящий из 11 кораблей, 9 фрегатов и 300 английских транспортов и малых военных судов, занимал весь рейд и гавань. Адмирал Тет, начальствующий над сим флотом, получил повеление принять войска, стоявшие лагерем близ Ораниенбаума и высадить их на остров Руген. 20 августа начали перевозить полки. Пехотные офицеры удивлялись огромности «Гавриила», стопушечного корабля, на котором я служил. В самом деле, наш «Гавриил» представлял целый город в малом виде. Вообразите огромное здание, длиной 32, шириной 10, высотой с мачтами 40 сажень, в три яруса с 110 пушками 48-, 24-, 18- и 12-фунтового калибра, вмещающее в себе на семь месяцев съестных припасов, воды и всякого рода запасных и потребных в пути вещей; сия летающая по водам крепость, тысячью живущих на ней человек управляемая и защищаемая, должна поражать и удивлять ум человеческий.

25 августа был депутатский смотр эскадре, отправляющейся в дальний путь. Государь император, в изъявление своего благоволения, пожаловал офицеров и служителей полугодовым жалованьем. Зрелище почестей, изъявляемых на море при появлении штандарта, то есть флага, означающего монаршее присутствие, столь великолепно, что едва ли имеет себе подобное: флот, состоящий из многих разного рода и величины, украшенных разноцветными флагами кораблей, стоял в линии на семи верстах. Гребной катер, на коем находился государь император, шел под штандартом впереди длинного ряда шлюпок под шелковыми флагами адмиралов, трех дивизий. При проезде Его Величества мимо кораблей, матросы, расставленные по реям и мачтам, возглашали громко «ура!» При всходе и отъезде с каждого судна крепости и корабли приветствовали государя пальбой из всех орудий по одному выстрелу.

Эскадра, назначенная в Средиземное море, состояла из следующих кораблей: 1) «Ярослав» о 74 пушках под флагом вице-адмирала главнокомандующего и под командой капитана Митькова; 2) «Москва» – о 74, капитан Гетцен; 3) «Св. Петр» – о 74, капитан Баратынский; 4) «Салафаил» – о 74, капитан Рожнов; 5) «Уриил» – о 84, капитан Михаил Быченский; 6) фрегат «Кюльдюин» – о 32, капитан Развозов. Первые три корабля и фрегат построены мастером Курочкиным в Архангельске, и хотя не столь красивой наружности, но имеют все добрые

[1] Состоявшим из 15-й пехотной дивизии под начальством генерал-майора Анрепа и 5 кораблей, 4 фрегатов, 6 корветов и 6 бригов под командой капитан-командора Грейга.

качества военного корабля. Последние два построены в Петербурге мастерами Амосовым и Сарычевым и отличались чистотой отделки и легкостью в ходу. Флот наш строится теперь российскими мастерами, управляем российскими адмиралами, капитанами и офицерами. Петр Великий при заведении флота для построения и управления кораблей принимал в службу свою иностранцев; но он не долго имел в том нужду: россияне вскоре сами сделались искусными кораблестроителями и мореплавателями.

28 августа, по расписанию Коллегии, переведен я был с корабля «Гавриила» на корабль «Св. Петр». По снабжении всем нужным для долговременного плавания и получа способный ветер, 10 сентября в полдень корабль вице-адмирала снялся с якоря, а за ним последовал и весь флот.

Он, белым взмахнув крылами,
Пошел – и следом пена рвами!

Державин

Тихий переменный ветер удержал эскадру во весь день в виду Кронштадта: казалось, что и корабли не охотно удалялись из любезного Отечества; однако ж сие чувство сожаления умеряемо было в нас надеждой возвращения и той восхитительной для молодого человека мыслью, что он в отдаленных странах увидит множество любопытных для него предметов. По крайней мере о себе могу я сказать, что в этот день мысль сия делала меня счастливейшим. Пред захождением солнца подул благополучный ветер, и мы плыли по 14 верст в час[2], не чувствуя того: корабль наш как бы стоял неподвижно. Темная ночь не помешала нам благополучно пройти многие островки, мели и подводные каменья, в Финском заливе рассеянные. Море было спокойно, ветер навевал вверху и кроме легкого шума, производимого ходом, тишина ничем не нарушалась.

Оставим корабли спокойно продолжать путь свой. Сделаем небольшое отступление для тех, коим небесполезно знать, каким чудесным образом столь великие громады, каковые корабли, по влажным, непостоянным зыбям безопасно движутся, и кратким объяснением мореплавания дадим им некоторое понятие о том искусстве, каким суда из края в край, от страны в страну надежно препровождаются.

Великолепное зрелище неба долженствовало привлечь внимание первых обитателей земли, особливо в тех счастливых странах, где всегдашнее благорастворение воздуха приглашало их к наблюдению светил. Созерцая беспрерывное обращение небесной тверди, наблюдая в продолжение нескольких веков, в Азии, первом жилище человеческого рода и колыбели всех наук, халдеи, египтяне, персы и китайцы первые приобрели некоторое познание в астрономии, впрочем, весьма несовершенное. Сии сведения открыли финикиянам море и наука кораблевождения восприяла свое начало. Они первые на слабых ладиях плавали только днем и в виду берегов, к которым приставали на ночь; но когда случайно относимы были от берегов бурей, то днем правили по солнцу, а ночью по звездам; средство весьма недостаточное, потому что при облачном небе и пасмурной погоде часто и надолго исчезает. Преемники их карфагенцы хотя и бóльшие приобрели познания в науке мореплавания, однако ходили также не далее как в виду берегов, и все еще подвергались великим затруднениям и опасностям.

В таком состоянии находилось искусство кораблевождения до изобретения компаса, который ввел в употребление неаполитанец Флавио Жоиа около 1300 года по Р. Х. Мореплаватели, получа орудие, посредством коего могли они во всякое время узнавать страну, куда направляют путь свой, отважились на долгое время оставлять берега и переплывать моря. Дух открытий, возбуждаемый надеждой обрести богатые корысти, внушил тогда великие предпри-

[2] Или 8 узлов, соответствующих 8 итальянским милям, коих 60 в градусе или 1¾ версты в каждой миле.

ятия. В начале XV столетия португальский принц Генрих изобрел первые морские карты, называемые плоскими[3]; он же с помощью других математиков посредством астрономических орудий, астролябий и ноктурлябий, научил наблюдать солнце и звезды: руководимые сими, весьма еще не совершенными пособиями, португальцы открыли великое пространство западного берега Африки, обошли мыс Бурь (Доброй Надежды), нашли сообщение с Восточной Индией и тем лишили венециян и генуэзцев выгод их торговли с Индией через Чермное море; взошли на верхнюю степень славы, сделались повелителями морей и обладателями великих богатств. В сие же время генуэзец Христофор Коломб, муж искусный в мореплавании и астрономии, размышляя о образе земноводного шара, сильно убедился, что к западу от Европы должно быть новой неизвестной еще земле, и что нашед оную можно пристать к берегам Индии или Китая. Долгое время тщетно представлял он разным государям сию мысль и услуги свои предпринять такое путешествие. В то время никто не хотел верить, чтобы земля была кругла; но напоследок от Фердинанда и Изабеллы, государей Кастилии и Арагонии, получил он три корабля, на коих отправясь, достиг одного из островов называемых ныне Багамскими[4], прилежащих к новой части света, и сим обретением сделал к оной первый шаг. Вскоре после сего мореплавание обняло весь земной шар, и наука постепенно усовершенствовалась.

Ни одна из наук, постепенно восходивших к совершенству, не поспешала такими исполинскими шагами, как наука мореплавания. Усовершенствование ее принадлежит XVIII веку, по справедливости названному великим веком открытий. Точное определение течения магнитной материи, законы тяготения, обретенные великим Невтоном, новые открытия в астрономии, измерение земного градуса, определение истинного вида земли, исследование приливов, отливов и течения моря, и наконец усовершенствование карт, названных по имени изобретателя меркаторскими[5], обезопасили, облегчили и умножили быстроту путешествий на море.

Для счисления пути и определения места на карте употребляются следующие средства: компас, самое простое орудие, есть необходимейшее для управления корабля во всякое время. Он разделен на 32 равные части, называемые румбами, каждому из коих присвоено название, для означения, с которой стороны дует ветер, и те же румбы показывают в которой части горизонта лежит от нас видимое, а по карте даже за несколько тысяч миль находящееся место. По сему-то устроению своему он определяет черту, по коей корабль от пристани в пристань должно править. По близости берегов, заметив по компасу два или три приметные места, и на карте проведя от них противные румбы, пресечением оных назначается место корабля на карте. Ход измеряется лагом. Оное орудие есть не иное что, как деревянная дощечка в виде четверти круга, прикрепленная к длинной нити, размеренной на 48 английских футов, означаемых узлами. Бросив лаг в воду с кормы, по мере хода выпускают нить, и сколько выйдет узлов в полминуты, столько при той же силе ветра и тех же парусах, корабль пройдет итальянских миль в час. Например: если в полминуты выйдет два узла, то в продолжение часа корабль перейдет две итальянские мили или 3,5 версты. Четверть компасного круга, начерченная на корме для замечания, сколько градусов след корабля удаляется от радиуса, проведенного по длине корабля, означает дрейф или уклонения корабля от истинного пути. Каждые полчаса записывают ветер, направление пути, ход и дрейф, дабы по ним делать счисление и чрез каждый четыре часа положить место корабля на карте. Поелику средства сии подвержены погрешностям, а особливо при долговременных, не видя земли плаваниях, то прибегают к поверению

[3] Оные карты пригодны в малых широтах ближе к экватору, или на небольшое только расстояние в широтах между тропиками и Полярными кругами лежащих.

[4] Коломб пристал из оных к Гвапани, названому им Салвадором.

[5] В меркаторской карте градусы меридиана уменьшены в той соразмерности, в какой параллельные круги отстоят от экватора. Оная картина представляет весь земной шар как бы разогнутый на плоскость, на которой расстояние и положение мест сохраняются в том самом виде, в каком они находятся на земле. Сии карты имеют преимущество пред плоскими в том, что они с совершенной точностью могут быть употребляемы во всех широтах и на больших пространствах.

сего счисления следующими астрономическими средствами. Октаны, секстаны и хронометры, сии астрономические инструменты, приведенные в возможное совершенство, служат первые два для наблюдения высоты солнца и звезд, по коим с математической точностью определяется широта места, в то время, когда светила сии находятся на нашем меридиане; последний же, показывая время до малейшей терции, служит для вычисления долготы. Таким образом, по широте и долготе, в больших океанах когда и не видят земли, назначают место корабля на карте.

Сими тремя, удивления достойными средствами – взор к звездам, к солнцу, на компас, на песочные часы[6], счет пройденного плавания и простое вычисление показывает кормчему, во всякое время, место корабля его на земном шаре. Пользуясь великой точностью карт, мореплаватель заходит в пристань, лежащую на его пути и останавливается в ней как бы на станции для отдохновения и запасения провиантом. Христофор Коломб без сомнения заслуживает имя великого мореходца, ибо, не имея нынешних средств, он переплыл обширный океан по одному математическому соображению и догадке; но в наши времена и обыкновенный кормчий, совершая плавание вокруг света, достигает точно в то место, которое себе предназначил.

Ночью попутный ветер усилился, и 11 сентября к вечеру эскадра уже находилась на высоте Ревеля; но как юго-западный ветер препятствовал идти между островами Наргеном и Вульфом, то адмирал повел корабли к другому проливу и, обошед Нарген, по причине темной ночи, остановился на якоре между сим островом и Суропским маяком. С рассветом высокая колокольня Олай-кирки открылась и эскадра, вступив под паруса и *прилавировав*[7] ближе к городу, стала на якорь.

Ревель, 12 сентября

Ревель, так же как и Кронштадт, имеет гавань и арсенал для флота. Гавань Ревельская, по низкости ее бруствера, худо защищала корабли от северных ветров, и не более 15 кораблей поместить могла; а как притом Кронштадтская гавань приметно мелеет, то для сего предназначено, оставя в Ревеле старую для купеческих судов, построить новую, которая могла бы вместить весь Балтийский флот. Два крыла нового бруствера уже окончены; они стоили многих миллионов и твердостью, искусством сложения своего, свидетельствовать будут память царствования Александра I. Единообразие готических зданий и древнее зодчество высоких кирок, украшенных вместо креста петухом, знаком отречения от Христа апостола Петра, придают старому городу вид почтенной древности. Чистота прекрасных домиков предместья с первого взгляда показывает вкус немцев. Немногие места могут спорить с Ревелем в красоте окрестностей, которые в самом деле превосходны: со всех сторон находишь картины, приятные для взора. Проведя день в упражнении по должности, к вечеру съехал я на берег, и как было воскресенье, пошел в Екатериненшаль, прекрасный публичный сад. В длинной тенистой аллее, ведущей к морскому берегу, встретил я множество прогуливающихся. Далее на площадке в летней галерее услышав музыку – вошел. Стройные, румяные и весьма щеголевато одетые жены ремесленников в вихре вальса, казалось, забывали труды рабочих дней; мужья их, при наполненной кружке пива, занимались разговорами или играли в кегли. Вот образ жизни и занятий добродушных ревельцев! Кроме праздничных дней, всякий сидит за своей работой, и в городе бывает так тихо, как в небольшой деревне.

В гавани было множество английских транспортов, пришедших для перевозу войск наших на остров Руген. Народ, смотря на видных воинов, всходящих на суда, толпился и

[6] Часы сии считаются склянками, получасовыми и четырехчасовыми. Например, считая от полудня, три склянки значат второй в половине час, восемь – 4 часа. После сего обе склянки оборачиваются, и время считается уже от 4 часов и так далее.

[7] Лавировать значит поворачивая то на ту, то на другую сторону, и при противном ветре идти помалу вперед.

покрывал всю набережную: слыша горькие рыдания жен и смотря на мужественные, но помраченные печалью лица солдат, чувство сострадания проникало сердце каждого. Казалось, вся Россия по мановению своего монарха шла для преграды честолюбивых намерений Наполеона. Сей всеразрушающий дух, беспрепятственно замышляет новые войны, сей себялюбец, не имея ни одной добродетели, свойственной истинно великим мужам, попирая все права, пренебрегая благосостояние народа, избравшего его своей главой, соделался тираном Франции!

Получа в Ревеле некоторые вещи, коих недоставало в Кронштадте, и укомплектовав экипаж недостающим числом людей, мы отправились в дальнейший путь 17 сентября.

Плавание Балтийским морем

Конвой с десантными войсками, вышедший вместе с эскадрой, к вечеру уже едва был виден; миновав Оденсгольмский маяк и на рассвете 18 сентября обошед мыс Дагерорт, самый западный конец российских владений, вступили мы в открытое море. Взорам нашим представлялись токмо мрачные облака, гонимые северным ветром, и снежная белизна валов. В полночь вступя в отправление должности, я восхищался стремительным бегом корабля, зарывающегося в волнах, под носом наподобие водопада шумящих. Свист ветра изредка прерывался голосом стоящего на страже лейтенанта, которого бдительности вверены и ход, и безопасность корабля. Матросы были в совершенном бездействии: одни, сидя у снастей, разговаривали про свои походы, другие, находясь на верху мачт, попевали протяжные песни, иные смешными рассказами забавляли своих товарищей. Что же причиной такой их беззаботливости? Упование на знание начальника, уверенность в способности и прочности своего корабля. Выдумка построения корабля есть поистине самое важнейшее, самое полезнейшее изобретение ума человеческого. Степень совершенства, до коего доведено ныне кораблестроение, принадлежит также протекшему столетию. По правилам высшей математики найдено, какой для какого назначения образ должна иметь подводная часть корабля, какую при известной длине корабль должен иметь ширину, сколько сидеть в воду, сколько над водой, сколько поднимать грузу, сколько иметь мачт, парусов и других принадлежностей, дабы, имея все нужные качества, способен был к быстрейшему, безопасному плаванию и удобному управлению. Таким образом глубокие исследования, постепенно улучшая, начертали превосходное строение корабля, которого совершенство изумляет и самое смелое воображение. Строение всякого мореходного судна соображено так, что никакая буря, никакая сила ветра не может его опрокинуть, и отважный мореходец, отделенный от смерти донной доской, переплывая на нем моря, обтекая вселенную, не боится ни бездонной глубины океана, ни бушующих ураганов, ни свирепой и непостоянной стихии. Нельзя не удивляться, какое сделалось различие в строении и управлении наших против древних мореходных судов! Чудовищные галеры римлян, о трех или четырех ярусах весел, имея худые, малые, слабо укрепленные паруса, двигались только руками гребцов, и при этом не имея верных часов, не умея мерять скорости хода, едва могли плавать близ берегов. Какая опасность таких кораблей на волнуемом море! Какое неудобство при поворачивания оных! Напротив того, ныне стопушечный корабль, вдвое больший древней галеры, приняв на себя грузу многие тысячи пудов, в несколько недель пере езжает из Старого Света в Новый, будучи управляем одной только рукой кормчего. Оснастка корабля столь же удивления достойна, как и его построение. Самая малейшая веревочка имеет свое название и составляет звено той цепи, которую, если вынуть, то весь состав ее разрушится. Высота мачт сама превеликая, и держа на себе великое число парусов, соразмерена так, что при тихом ветре, сохраняя всю огромность высоты своей, представляет ему самую большую площадь: когда же ветер начнет крепчать, тогда и она со всеми парусами своими по мере прибавления силы его уменьшается, и чрез то не допускает его нанесть ей вред. Каждая из трех больших дерев, поставленных одно на другое, из коих два верхние могут подниматься и опускаться, верхняя называется брам-стеньга, средняя

стеньга, которые вместе с мачтой, например стопушечного корабля, имеют 40 сажен длины или высоты. Сорок парусов, растянутых на 12 реях и между мачтами, видя одни над другими в прекрасном равновесии, составляют всегда при всяком направлении ветра такую для напора его поверхность, что он, даже и противный, приносит мореплавателя к желаемой пристани.

Ветер дул постоянно, счастье нам не изменяло. 20 сентября прошли Готланд, ночью миновали Эланд, а 21-го были уже близ Борнгольма. Скоро увидели мы остров Меун. Белизна берегов его, мешаясь с синим цветом моря, представляла глазам прекрасное смешение красок. Обойдя мыс Фластербо, могли бы мы чрез час быть в Копенгагене; но вдруг ветер переменился, сделался противный, и мы принуждены были остановиться у деревни Драке, а 30 верстах от столицы Дании.

Сильный противный ветер продолжался от 23 до 30 сентября. Скучное стояние на якоре в дурную погоду, и при том так недалеко от столицы, старались мы разгонять приятностью бесед и разговоров. Как на кораблях наших находилась большая часть рекрут, то для обучения их, когда ветер немного утих, адмирал сделал сигнал кораблю «Уриула» и фрегату «Кильдюину» сняться с якоря. Выдумка сигналов, помощью коих управляется флот, заслуживает особенное внимание. Десять разных ярких цветов флагов, означающих цифры от 0 до 9, раздают все приказания адмирала, которые под номерами напечатаны в особых книгах. Верхний флаг означает единицу, под ним второй десятки, третий сотни, и так далее. Сими флагами составляются все возможные повеления, известия и тому подобное. Ночью и в туман сигналы делаются пушечными выстрелами и фонарями. Телеграфные сигналы показываются шарами и флагами, и основаны на лексиконе, заключающем в себе под номерами азбуку, и до трех тысяч самых употребительных слов. Сверх сих, есть так называемые опознавательные, которые по условленным знакам показывают дружеский или неприятельский тот корабль, с которым в море встретились. Сии и секретные сигналы, поручаемые адмиралам и капитанам, не прежде распечатываются как в нужде, и притом хранятся как государственная тайна.

Копенгаген[8]

Гавань Копенгагена всегда наполнена кораблями; биржа завалена тюками товаров, свезенных сюда от всех концов земного шара. Датчане успели воспользоваться нейтралитетом, умели приобрести богатство тогда, как другие европейские народы разорились; и ныне одни они остались соперниками в торговле англичанам. Торговые общества, в которых по примеру шведского и английского, сам король участвует, приносят им верные и великие выгоды. Принадлежащие короне купеческие суда отличаются вензелем короля, изображенным на флаге.

Насыпь разделяет гавань на две части: в одной стоят 30 военных кораблей, в другой помещаются 300 купеческих судов. Военная гавань, адмиралтейство и верфь могут служить образцом вкуса, порядка и бережливости. Магазейны наполнены всем нужным для вооружения кораблей, запас лежит готовый на несколько лет вперед. Леса не прежде употребляются в строение, как по совершенном их осушении. Стапели, на которых строятся корабли, покрыты крышей. Корабли, стоящие в гавани, прикованы цепями к сваям, также покрыты дощатою крышей, а от солнца бока завешены парусиной; посему и неудивительно, что датские корабля служат по 50 и более лет. Сия благоразумная бережливость, конечно, сохраняет государственной казне многие миллионы. Каждый корабль поставлен против магазейна, в котором паруса, снасти и все его принадлежности разложены в порядке, и при вооружении не нужно разъезжать по разным местам. Датский флот никогда почти не выходит в море, половина матросов в мирное время отпускаются на купеческие суда, на коих служа, не только приобретают нужные познания, но обеспечивают свое состояние. Другая половина состоит на службе, работает в

[8] Считаю небесполезным сообщить здесь прежние мои замечания о сей датской столице.

Адмиралтействе, учится стрелять на батареях, а в свободные дни отпускается на свои работы на биржу. Чрез несколько лет они сменяются первыми. И таким образом, находясь на службе и освобождаясь от оной, по воле и неволе, делаются в своем ремесле опытными искусными матросами. Арсенал, прекрасной наружности здание, также в Адмиралтействе находящееся, хранит всякого рода оружие для ста тысяч войска. В особой палате показывают древние шлемы, панцири, палицы и щиты. Иные латы весят от четырех до пяти пудов. На клинке одного тяжелого меча подписано золотой насечкой: «*Петр Великий посещал арсенал сей в 1718 году*».

Биржевой дом, за Адмиралтейством находящийся, обращает внимание огромностью своей и готической наружностью. Здание сие представляет безмерную залу, всегда наполненную народом, где беспрестанно ездят огромные телеги, влекомые 12 лошадьми, и где товары всех родов и на многие миллионы лежат на столах, под шатрами, в особых лавках, вдоль стен построенных, и над головами висящих, куда всходят по подъемным лестницам. Вход и выход сего дома украшен портиком с толстыми колоннами; длинные стороны обезображены несоразмерно высокими окнами, в коих стекла, круглые и разноцветные; крыша вся в углах, со множеством слуховых окон.

Главная улица и две площади украшены двумя конными статуями Христиана V и Фридриха V. Первая площадь составляет осьмиугольник и обстроена прекрасными домами равной высоты. Частные здания Копенгагена не могут сравняться с петербургскими; они представляют смесь готической и новейшей архитектуры; но множество магазейнов, лавок и погребов показывает, что Копенгаген производит гораздо значительнейшую торговлю, нежели наши столица. Дворец и библиотека, которые украшали город, к сожалению сгорели. Королевский музеум почитается из лучших в Европе; оный разделяется на восемь зал, наполненных всякого рода редкостями. Животные, птицы, рыбы, растения, минералы, собранные от всех стран мира, составляют богатый кабинет естественных редкостей. Из искусственных произведений я замечу наиболее достойные примечания: 1) человеческий скелет из слоновой кости, с малейшими артериями и жилами; 2) модель корабля, с мачтами и парусами; 3) часы из слоновой кости, отделаны с удивительной точностью; 4) мраморный стол с натуральным на нем изображением распятия; 5) деревянная чашка, в которую вложены сто других, столь тонких, что при легком к ним прикосновении они гнутся, как бумажный лист; 6) в обыкновенный игольник вмещена карета, запряженная шестью лошадьми, кучер, вершник и слуга, столь хорошо выработаны, что, рассматривая их в микроскоп, нельзя не удивиться совершенству их фигур; 7) машина, представляющая сферу по Коперниковой системе, обращаемая помощью колес, показывает все движения небесных планет; 8) одежды и оружие многих народов; 9) несколько индейских и египетских идолов, деревянных, фарфоровых и из слоновой кости сделанных; 10) несколько листов, писанных на папире. Наконец, в картинной галерее одна из картин обращает на себя внимание. Она поставлена в темном углу и представляет старика, сидящего подле стола, окруженного его семейством, и при свечке, в очках, читающего книгу. Постепенное разлитие света столь превосходно, что только одному Жирарду возможно столь чудесно живописать огонь. Не менее того, художник сей картины не известен. Знатоки расположение в ней теней и света поставляют примером искусства живописного.

Зунд

После долгого ожидания ветер сделался наконец попутный и эскадра на всех парусах пустилась излучистым каналом в Зунд. Оный столь опасен, что хотя отмели с обеих сторон означены баканами и вехами, однако ж в деревне Драке все корабли берут лоцманов. Ветер был довольно свеж, и мы быстро промчались мимо датской столицы. Башни со шпицами, гавань со множеством кораб лей, прибрежные крепости, а за ними огромные здания Копенгагена представляют с моря прекрасный вид. Набережная Зеландии, которую проходят весьма близко,

усеяна деревнями и загородными домами. Сады, рощи и луга отменно украшают местоположение. Другая сторона Зунда – шведский берег – кажется не так населен, не так украшен; но золотистые его нивы показывают плодоносие. В двух милях от Гельзинора находится небольшой Королевский домик с плоской крышей. Сказывают, что оный построен на том месте, где жил Гамлетов отец, а ближний сад был местом, где сей несчастный отравлен ядом. Ни один англичанин не пропустит осмотреть оного: такова сила таланта славного Шекспира! По прелестным видам плавание Зундом можно назвать приятной прогулкой. В сем проливе, стесненном двумя цветущими берегами, всегда, как на большой дороге, встречаешь большие караваны кораблей различной величины. Все движутся туда и сюда; одни летят, другие бегут, третьи едва идут; иные несутся по ветру и течению, а другие, противоборствуя им, медленно вперед подвигаются.

Некоторые путешественники рассказывают, будто бы остров Веен, лежащий среди Зунда, обратил внимание Петра Великого и будто бы он предлагал за него датскому королю столько серебряных рублей, сколько их на нем поместиться может. Если сие было, то, без сомнения, Петр Великий сею шуткой хотел означить великое число судов, ежегодно проходящих Зунд, и что ежели бы ему сей остров продали, то, поставя на нем крепость и собирая с них пошлину, он скоро бы ему окупился. Оный принадлежит теперь Швеции и Дании пополам, и едва населенный 200 и 300 жителей, представляет одно только удобство – торг запрещенными товарами.

Гельзинор, 30 сентября

В четыре часа эскадра пролетела Зунд и остановилась у Гельзинора. Тут всегда бывает великое сборище судов почти от всех стран мира, ибо все идущие в Балтику и обратно, для заплаты пошлины, должны здесь остановиться. Море пестреет от разноцветных флагов и вымпелов. Корабли беспрестанно то отходят, то приходят, и пушечные выстрелы и крик работающих матросов имеют в себе такую прелесть, что со шканец сойти не хочется. Город, стоящий на низком берегу, представляется сквозь лес мачт, как будто бы за густым бором.

После обыкновенных посещений и поздравлений с прибытием офицерам позволено было съехать на берег. Шел небольшой дождь, на улицах было так грязно, а от множества иностранцев так тесно, что мы принуждены были войти в первый кофейный дом; но лишь только проглянуло солнце, как мы оставили дымный от сигар и трубок трактир, не стали читать газет и вместо того пошли прогуливаться. Сыскав проводника, приказали вести себя за город, – и деревянные башмаки его застучали на мостовой. Прошли несколько улиц и весь тут город! Домы высоки и только три или четыре окна в фасаде, внизу везде лавки. Пришед к воротам Кронборга, учтивый караульный офицер ввел нас на двор замка, подобного четвероугольной башне. Церковь с готической колокольней была заперта, мы сошли вниз в казематы, где содержатся преступники. Они не лишены воздуха, тюрьмы чисты, невольники по силам заняты работой и только смерто убийцы на ночь обременяются цепями. Стены замка дикого тесаного камня, весьма толсты и вооружены несколькими пушками. Лучшие его укрепления, морские батареи, вне стен построенные. Оные могут вредить кораблям, но флота, прорывающегося сквозь пролив, особенно при свежем ветре, остановить не в силах. Лорд Нельсон в 1801 году доказал, кажется датчанам, что Зунд их не непроходим.

Караульный офицер предложил нам идти в Королевский сад и приказал проводить туда одному из солдат своих. Был какой-то праздник, аллеи пестрели от женских нарядов. Мужчины мерными шагами ходили взад и вперед, снимали перед нами шляпы, или лучше только до них дотрагивались, и курили сигары. Хотя листья опали и оставалось уже мало зелени; но сад, расположенный на горе и близ моря, показался мне весьма приятным. С балкона летнего дома, построенного на открытом месте, вид Гельзинора и окрестностей представляет прелест-

ную картину. Шумный Зунд, отделяя сей вид от грозных крутых скал Швеции, сей самой противоположностью тем более пленяет взоры.

Как ветер для отплытия в Англию был противный, а день прекрасный, то сев на шлюпку с несколькими товарищами, в полчаса переправились мы чрез Зунд и вышли на берег в Гельсинборге. Две улицы под горой, развалившаяся ветряная мельница на горе и красные высокие крыши домов – вот все, что можно видеть в сем небольшом городке. Никто не обеспокоил нас на дороге, ибо прошедши до средины города, не встретили мы ни одного человека. Далее хотя и попадались нам люди, но никто нас не понимал, все проходили мимо, улыбаясь, и мы не знали, куда идти. Видим вывеску аптеки – портрет Галена – мы вошли. К потолку привешен крокодил и в чучеле ужасный! Какая находка! В чистых шкафах, вместе с лекарствами, в банках стоят конфекты. Купим их скорее, ибо надобно же иметь какую-нибудь причину зайти в аптеку. Наконец показали нам трактир, усыпанный песком, правильно укладенным ельником, и мы очень обрадовались нашедши там играющих на бильярде прекрасных и видных шведских офицеров полка желтых гусар. Они как хозяева нас обласкали, мы познакомились, отобедали вместе и расстались дружески.

Плавание Немецким морем

3 октября при тихом юго-восточном ветре эскадра снялась с якоря. По причине противного течения в продолжение ночи едва успели обойти мыс Куллен и опасный остров Ангольм, окруженный мелями. На другой день ветер, отошед к востоку, сделался очень силен, корабли пошли по 22 версты в час, и в 14 часов прошли весь Каттегат. При захождении солнца угрюмые дикие скалы Дернеуса, последнего мыса Норвегии, были против нас, а к ночи эскадра вступила в Немецкое море. Бурная, мрачная ночь представляла великолепное зрелище: корабль, рассекая и вместе нисходя и восходя на валы, производил бегом своим струю и пену, обращенную в пыль. След, а паче близ руля, стлался по хребтам волн рекой лавы, огненным змеем, который, извиваясь, казалось, гнался за кораблем. Вода издавала блеск, подобный золоту, корабль, по-видимому, плыл в расплавленном металле. Под носом, где наиболее сопротивления, раздробленные грудью корабля валы, подобно шифонному столбу, вздымаясь высоко, огненным дождем падают на палубу. Картина ужасная и вместе прекрасная! Морская вода, содержащая в себе множество селитренных, фосфорических, и других частиц, от трения о борт корабля, как будто возгорается, и в темную ночь при скором ходе производит сие явление. На другой день, когда мы были посреди моря, то сожалели и о скучных кремнистых берегах Норвегии. Обнаженные скалы сии рождают вопрос, чем питаются жители, их населяющие? – Милосердый Промысл, дав верблюда аравитянам, оленя лапландцу, норвежцу приводит сельдь, так сказать, к дому, ежегодно и в таком множестве, что бесплодие земли заменяется плодоносием океана. 1800 года я видел лов сельдей в Бергене, а прошедшего 1804 года в Консбаке[9], зрелище любопытное и приятное. Когда сельдь вошла в залив, море до сего светлое, как зеркало, переменило цвет и заблистало рыбьей чешуей. Головы акул, нордкамеров и касаток беспрестанно показывались на поверхности воды. Нордкамеры, род малых китов, имея горло обширнейшее исландских, суть злейшие неприятели сельдей. Они, пригоняя их к берегу, бьют хвостами; оглушенная сим попадает она в пасть их. Рыбачьи лодки, держась в двух линиях, черпают рыбу саками, ведрами и берут даже руками. Ночью лов всегда бывает успешнее, ибо рыбы, стремясь к огням, зажигаемым на берегу и на лодках, в великом множестве попадаются в сети, растянутые с лодки на лодку. При удачной ловле один промышленник в ночь получает ее столько, сколько нужно на год для его семейства. Голландцы тотчас по вынутии сельди из воды, потрошат, вымывают морской водой, солят и укладывают в бочонки, и вероятно от сего приуготов-

[9] Залив, удобный для кораблей, в 30 верстах от Готенбурга к востоку лежащий.

ления сельдь их лучше прочих; ибо англичане, шведы и наши архангелогородцы очищают ее спустя уже некоторое время.

Вечная премудрость, которая печется о сохранении всех тварей, и здесь заметна в жизни и разуме сельдей, если сим можно назвать то тайное побуждение (instinct), которое заставляет их предпринимать путешествие всегда в одно время, до известной широты, и в строе, порядке удивительном возвращаться в отечество свое, Северный полюс, где под льдом от хищных рыб живут они в безопасности. Вот путь, по коему они следуют: в начале года армия сельдей выступает и плывет к югу. В марте месяце, достигнув Исландии, разделяется на два корпуса. Первый, разными отрядами, идет к Тенерифу, другой обращается к Норвегии и, обошед мыс Дернеус, разделяется на две колонны. Одна их них, чрез Зунд, другая чрез Бельты, входят в Балтийское море, где дошед до Шведских шхер, возвращаются назад и плывут соединенно к берегам Голландии. Западная армия, всегда преследуемая хищными рыбами, обходит Шетландские и Оркадские острова, идет вдоль берегов Великобритании и Ирландии, обращается в Английский канал и отделяет от себя еще одну колонну в Атлантический океан, которая далее Бискайского залива редко является. Распространившись таким образом по всем северным морям, соединяются они в Немецком море и в конце осени возвращаются в свою отчизну. Естествословы, изыскивая причину такого правильного путешествия сельдей, полагают искание пищи, состоящей в червях, коими северные моря преисполнены.

В сем путешествии сельдей представляется для наблю дателя зрелище столь любопытное, толико же и удивительное. Впереди армии их идет авангард, в центре главного корпуса находится король, который отличается от прочих величиной, простирающейся до аршина. Сей король управляет всеми движениями, и обыкновенно в море плывут сельди фронтом; когда же придется проходить им пролив, тогда свертываются колонной. Если случится кому поймать короля, тотчас бросают его в море, ибо рыбаки думают, что без него лов не может быть так удачен; и самые хищные рыбы, как полагают, щадят его по той же причине. Сельди, так говорит красноречивый Бюффон, производят маневры свои без малейшего замешательства. В походе ни одна не оставляет своего места, нет между ними беглецов, ни отставших; они продолжают путь свой безостановочно, переходят от места к месту всегда в одно время и всегда в известный срок возвращаются домой.

5 и 6 октября ветер стоял в прежней силе, море подобно было снежному холмистому полю, корабли в ходе не уступали один другому и мы не имели приятности дожидаться заднего. Ночи были самые осенние, сумрачные, холодные с дождем. Облака мчались быстро, луна изредка показывалась. Темнота, скрывавшая предметы, казалось, усиливала ветер, который ужасным образом завывал в снастях. Корабль валяло с бока на бок, подобно легкой лодке. Когда ветер дует с кормы, корабль имеет боковую качку самую беспокойную и вредную для его корпуса. По сему-то и самый благоприятный хорош бывает только до некоторой степени.

7 октября ветер несколько стих, и мы прошли английскую эскадру, лежащую посреди моря на якоре, на догер-банке. Отмель сия так соразмерно возвышается к средине, что когда придешь на нее, то, бросив лот (свинцовая гиря) по числу сажен глубины и грунту определяют место корабля на карте. 8 октября пасмурность очистилась, море успокоилось, день сделался прекрасный, стаи чаек носились уже в воздухе, что означало близость берега. Вскоре караульный матрос наверху передней мачты закричал: берег виден! Все с зрительными трубами бросились смотреть. Надобно быть на море, чтобы чувствовать радость при появлении земли. Переход от грозного вида моря к зрению цветущей зелени ни с чем сравнить не можно. Тут с жадностью рассматривают малейшие оттенки показавшегося строения; по мере приближения удовольствие увеличивается, предметы возникают, растут из моря и мало-помалу от скучного единообразия неба и воды, переходишь ко множеству приятных видов, которые движутся, изменяются и представляют взору такое занятие, что зрением сим не можешь довольно насла-

диться. Прежде всего увидели мы норд-форландские маяки[10]. Вот Англия, вот и Франция, в землях сих двух народов, такое же соперничество и противоположность, как и во нравах. Беловатые берега Альбиона мало возвышены и покрыты зеленью. Все видимое пространство разделено пашнями, лугами, рощами; усеяно городами, селами и прекрасными мызными домиками. Пристань Дувра наполнена кораблями, за ним к северу у Доунса стоит большой военный флот. Напротив Кале лежит печально на песчаной косе, в бесплодной пустыне, где не видно ни дерев, ни лугов и ни одного корабля, ни одной рыбачьей лодки в гавани. Прекрасная ночь и благоприятный ветер способствовали нашему плаванию в Английском канале. 9 октября на рассвете эскадра прибыла в Портсмут.

Портсмут. Октябрь

Лишь только эскадра стала на якорь, шлюпка со стопушечного корабля, на коем был флаг адмирала Монтегю, главного командира Портсмутского порта, пристала к «Ярославу» для поздравления с прибытием и положения о салюте, в котором англичане пред всяким флагом требуют преимущества. С некоторого времени, однако ж, с российскими адмиралами они сделались снисходительнее и теперь на 15 выстрелов нашего отвечали равным числом. Едва успели мы убрать паруса, уже множество любопытных взошли на корабль: толстые, опрятно одетые торговки, качаясь у борта на малых яликах, продавали свежую зелень, хлеб, сливки и плоды. Один из вошедших любовался русскою постройкой корабля и веселым видом людей; другой, приглашая в свой трактир, называл его лучшим в городе; купец с щегольским поклоном отдавал билет, по коему можно сыскать его лавку, и печатный лист с званием товаров и цен; театральный содержатель, приглашая удостоить посещением его сцену, обещал из уважения к русским офицерам осветить ложи великолепно. Наконец бот с сотней прекрасных женщин, щеголевато одетых, желали взойти на корабль и видеть российских мореходцев; но мы не могли принять и принуждены были отказаться от посещения, которое, впрочем, было бы нам весьма приятно[11]. Бот с водой[12], другой с мясом и зеленью вскоре уже прибыли к эскадре, и внимание английского правительства простиралось до того, что мы, не сходя с корабля, имели все нужное.

Спитгед

Так называется большой рейд Портсмута, заключающийся между островом Вайтом и городом. На нем удобно поместиться могут до 5000 кораблей. Будучи главным сборным местом военным и купеческим флотам, может быть нет в свете гавани, где бы вдруг стояло такое множеством судов, приходящих сюда со всех концов земного шара. Здесь во всякое время стоит эскадра или две, определенные для крейсерства в канале; сюда же приходят ост- и вест-индские транспорты для получения конвоя и выдержания карантина. Я никак не мог перечесть, сколько на рейде стояло судов, мачты ближайших, закрывая дальние, уподобляют рейд большому городу, весьма населенному, в котором все движется и действует беспрестанно. Нидельский пролив, по северную сторону острова Вайта лежащий, также прилив и отлив, обращая воду чрез каждые шесть часов то к морю, то к берегу, дает возможность кораблям во всякое

[10] Считаю небесполезным заметить, что английские лоцманы для лучшего рассмотрения маяка направляют на него зеркало, и тогда не только огонь, но горизонт и окрестные предметы, расстоянием на 25 верст, очень ясно показываются.

[11] По морскому уставу одним женам позволяется посещать мужей своих, и то только до пробития зори в своих портах.

[12] Вода наливается в трюм, обитый свинцом, и с помощью насосов, когда бот пристанет к борту, скоро и удобно переливается в корабельные бочки.

время и при противном ветре удобно приходить и отходить, что и составляет наилучшее преимущество военного порта. Глубина от 5 до 14 сажень. Рейд открыт южным ветрам.

Взгляд на город

Пасмурная дождливая погода, туман и густые облака дыма покрывали город. Смрад от каменных угольев доходил и до нас. На третий день, когда небо прояснилось, с великим нетерпением с тремя товарищами, сев в шлюпку, поехал я в город. Едва ступил ногой на пристань, первая встреча и первое происшествие – пьяный рыжий матрос просил позволить одному из наших гребцов биться с ним на кулачки. Шитые наши мундиры, как казалось, привлекали внимание черни. Толпами, забегая вперед, беспрепятственно окружали нас, и мы насилу протолкались до большой улицы. Переходя по тротуарам, бродя сами не зная куда, на парадной площади встретили мы прекрасных мальчиков с сумками и книжками в руках; они, бегая и прыгая пред нами, кричали: рушин добра! рушин добра!.. Прекрасное приветствие, но как это одно слово, которым англичане думают говорить по-русски, то иногда оно принимается и в противном смысле. За ними шли маленькие англичанки: в капотцах, соломенных шляпках, с корзинками в руках; едва ли некоторые, и то закрасневшись, осмелились взглянуть на нас мимоходом. Позолоченная вывеска, на коей подписано предложение услуг господам русским офицерам, остановила нас. Всходим на крыльцо и в просторные сени. Несколько мальчиков бросились одни чистить сапоги, другие обметать мундиры и за такую услугу требовали по шиллингу. Взявшись за ручку дверей, услышали мы звон колокольчика, и на самом пороге прекрасный мужчина в башмаках, в шелковых чулках, расчесанный, распрысканный духами, с двумя часами или, может быть, только с двумя цепочками, является и учтиво кланяется. Мы остались бы в недоумении, за кого принять сего щеголя, если бы молчаливое, вместе почтительное и озабоченное лицо не означало в нем трактирного слугу. Поклонившись еще в другой раз, показал он комнату: по столам, на окнах, везде разбросаны газетные листы. Посетители в шляпах углублены были в чтение. При входе никто не обратил на нас внимания, хотя мы и поклонились безмолвному их собранию. Веселый шум с другой стороны привлек нас в комнату, где мы нашли наших офицеров почти со всей эскадры. Не нужно сказывать о чистоте и порядке английских трактиров; но должно заметить, что в них на каждом шагу надобно вынимать кошелек, который, как бы тяжел ни был, скоро делается легким. В шесть часов подали обед; сам хозяин, вежливый, благовидный старик, угощал и при каждом блюде спрашивал: хорошо ли? нравится ли? Проворство слуги было удивительно; он один услуживал тридцати особам и везде успевал. Тут мы ночевали. Поутру вместе с чаем подали завтрак и газеты. Журнальные новости для англичан стихия, столь же необходимая, как и воздух. Все утро занимаются политическим прением, и даже дамы столь твердо знают географию, что могут показать на карте место всякого сражения и изъяснить план и движения войск.

Иностранца, приехавшего в первый раз в Англию, изумляют деятельность, трудолюбие и чистота. От утра до вечера вы увидите в городе такое движение, какое редко где найти можно; всякий спешит к месту своему широкими шагами, которые, кажется, помогают обдумывать дела. Здесь не раздавит вас скачущий экипаж; даже дамы не стыдятся ходить пешком, и это, избавляя от неприятного стука карет, сохраняет лучше здоровье. Фасады домов, мостовые и тротуары представляют удивительную чистоту; их беспрестанно то метут, то обмывают. Дома, в коих окна так чисты, что их кажется совсем нет, большей частью не штукатурены; но прекрасно выделанные кирпичи не отнимают вида. Некоторые построены из досок, но от каменных их отличить нельзя: стены снаружи по извести убиты острыми кремнями, и когда по утрам обливают их водой, при свете солнца блестят как дорогие каменья. Красного дерева или выкрашенная под лак дверь ведет на лестницу, и составляет вход каждого дома. Нижние этажи занимаются бесконечным рядом богатейших лавок. Товары разложены за большими стеклами столь

искусно, что невольно подойдешь и купишь. Войдите в суконный магазейн, купец, ни слова не говоря, подает книгу с образчиками и надписанной ценой, выберите, молча заплатите и, когда вас спросят, что вам угодно шить и когда прикажете, чтоб все готово? отвечайте: фрак через два часа, и будьте уверены, что в назначенное время все будет готово. Если бы вы покупали на несколько тысяч рублей, выберите товар, заплатите по печатной таксе, и все доставлено будет на дом в настоящей мере и весе.

Адмиралтейство

Портсмут почитается лучшим укреплением в Англии и состоит из трех частей или городов: Портсмуте, Портси и Госпорта. Первый обнесен земляным валом и к югу имеет укрепление, называемое Соутси-Кестель. Устье реки, служащей гаванью, защищается круглой крепостью Монктон. В Портси, лежащем возле Портсмута и на одном с ним острове, находится Адмиралтейство, может быть, лучшее и обширнейшее в свете. Гавань и доки всегда заняты починивающимися и строящимися кораблями, огромные здания наполнены всем нужным для флота, мастерские в беспрерывной деятельности. Не стану говорить о прекрасных строениях, в коих видна прочность и удобность; не упомяну о бесчисленных запасах всякого рода, коими наполнены арсеналы и магазейны; не распространюсь о красоте и прочности кораблей, которые, как всякому известно, совершенны, но замечу только, что здесь, кажется, ничего не умеют делать дурного: каждый мастеровой искусен в своем деле. Простой плотник обрабатывает кусок дерева, для вставки в палубу корабля, по циркулю, линейке и угломеру. Это кажется уже слишком. Наш плотник, не имея в руках никаких инструментов кроме топора, оканчивает сию работу скорее, нежели три англичанина и ежели не так чисто, то так же точно. Где у нас употребляется сила людей, здесь производится машинами, огнем, водой и лошадьми. Стук и гром колес, треск и клокотание огня и воды, в беспрерывном движении находящихся, заменяют несколько сот работников, улучшают вещь и сокращают время. Невозможно описать всех машин, коих состав удивляет и самых мудрых механиков. Скажу об одной блоковой: она с помощью осьми человек и четырех мальчиков отделывает в день по 600 блоков. Француз, изобретший ее, награжден довольно щедро: ему выдается с каждого средством его сделанного блока по два пенса (4 копейки) по смерть. Как исчислить, сколько тысяч блоков сделают в день во всей Англии и сколько тысяч рублей получит он в продолжение своей жизни? Вот способ, коим попечительное правительство достигло совершенства всех изделий! Дух английского народа стремится к приобретению богатства, к умножению избытков, и правительство, питая в нем сие рвение, вознаграждает щедро трудолюбие не только своих, но и чужеземных художников. Французы с пользой упражняются в механических искусствах: живое воображение делает их к тому способными; но сложные машины, в коих потребна геометрическая точность, нигде кроме Англии не могут быть так сделаны, ибо французы, не имея английского терпения, не достигают совершенства в такой работе, которая требует постоянного внимания.

Из Адмиралтейства на ялике переправились мы в Госпорт. Посреди реки на вертлюжных якорях стоят разоруженные старые корабли. Бедные французы выглядывали из окон, другие танцевали на верхней палубе. Хорошо ли содержат сих пленных? спросил я у перевозчика. Так же, как наших во Франции. Это значит, очень дурно. На сей вопрос француз может быть отвечал бы: так же, как и в Англии. Кому тут верить? Известно только то, что английское правительство посылает знатные суммы для содержания своих пленных во Франции, а Бонапарте не издерживает на сие ни копейки.

Госпиталь

Осмотрев в Госпорте Гасларскую морскую госпиталь, Ботанический при ней сад и анатомический театр, всякий должен согласиться, что в Англии не жалеют издержек на человеколюбивые заведения. Здание имеет простую наружность; внутренность расположена удобно и покойно. Вошед в длинные палаты, дышишь столь же чистым воздухом, как и в саду. Занавесы у окон, белье, посуда, мебель, порядок и опрятность не дадут заметить, что находишься в больнице. В одной комнате помещены раненые; кровати их с винтами, помощью коих можно больного посадить, не трогая раненой руки или ноги. В палате трудных я рассматривал все с особенным удовольствием и остался в ней долее, нежели в других. Постели поставлены в нескольких шагах одна от одной; пред каждой столик с лекарствами; на черной доске, висящей у изголовья, написано, когда их принимать. Больные имеют то утешение, что смертный одр их окружают родственники, и последний вздох примут сердца чувствительные. Посмотрите, какое умиление в глазах этой девушки, подающей слабому старику пить!

Посмотрите, с какой чувствительностью сия женщина читает молитву, и в сердце друга жизни своей льет бальзам утешения! Здесь все говорят шепотом, какая черта сострадания! Два лекаря сидят у стола: они всегда готовы подать помощь, какое милосердие! Женщины ходят за больными, раздают лекарства и пищу, какой присмотр и чистота! Перед передним фасадом на обширном дворе бьет фонтан, от коего, чрез трубы, вода проведена в кухню и во все сени. С удовольствием можно сказать, что присмотр и чистота в наших госпиталях нимало не уступают английским. Больница же для обер-офицеров, бывшая в Кронштадте, может служить образцом.

Дамский клоб

В один ненастный бурный вечер, когда при пылающем огне в камине, сидели мы вокруг чайного стола, Джамес, трактирный слуга, докладывает о директоре дамского благородного клоба. Молодой румяный попечитель дам, сделав по правилам танцевального искусства несколько пренизких поклонов, пригласил нас на бал, имеющий быть сего вечера. Как отказаться от такого предложения? Употчивавши г. директора по-русски и отпустив его весьма довольного, мы не знали, как привезть с корабля платье; темнота и сильный ветер препятствовали послать шлюпку. Проворный Джамес избавил нас от забот: чрез час несколько гиней, несколько портных и парикмахеров снабдили каждого всем нужным. Кареты поданы: мы приезжаем и входим в залу собрания еще вовремя. При звуках громкого марша директор с плоской треугольной шляпой под рукой встретил нас при входе. Зала не имела никаких убранств, кроме белых стен и нескольких ламп, ярким огнем освещавших всю длину ее. В противоположном конце от дверей, на стульях, поставленных рядами, сидели дамы, все в коленкоровых ослепительной белизны платьях; кавалеры стояли позади в отдалении. Директор представил нас некоторым, сидевшим в переднем ряду, и нас тут же посадили между девицами – девицами потому, что не слыхал я, чтоб которую называли Lady; все были Miss, и в самой цветущей молодости. Обычай совсем новый для русских! Здесь девицам оставляется вся свобода, а женщина, мать семейства, напротив, сидит дома и редко, очень редко является в большие собрания. Служащие офицеры были во фраках, как мне сказывали, потому, что в обществах имя гражданина предпочитается военному званию. Мальчик в круглой шляпе и девочка в хорошеньком платьице, прекрасные как два Купидона, открыли бал менуэтом и жигой, и в сей последней девушка при самых смелых движениях сохраняла нежность и приличность. После начались премудреные кадрили в 12 пар, от которых мы отказались, но дамы хотели, чтоб мы танцевали, и сами вызвались научить нас чему-нибудь английскому. Одна девица предложила мне быть ее кава-

лером во весь вечер, и это особенное снисхождение оказываемо было только русским. Каждый из нас имел свою даму. За кадрилями последовали экосезы, в которых стройность стана для живописцев и ваятелей представила бы прекрасные образцы и положения. В короткое время мы познакомились: кто говорил по-английски, окружен был дамами; разумевшие другие языки также не остались без занятия; но можно было заметить, что свой язык предпочитали иностранным, особенно французскому. Между собой все говорили по-английски. Оттого-то язык, столь бедный и на слух грубый, в устах женщины становится нежным и мягким, и оттого-то англичане прежде всего стараются как можно лучше объясняться на своем природном языке, ибо в противном случае они в женском обществе были бы смешны, а быть смешным здесь, так же как и везде, весьма неприятно. Нескольких русских слов, вытверженных развязными англичанками, производили в собрании шум; друг друга учили как их выговаривать, смеялись, ломали язык и сей шуткой умножали общее удовольствие. В 12 часов дамы скрылись и мы остались с одними кавалерами: нас замучили политикой и новостями. Что делают дамы? Они пошли переодеваться, переменять чулки, башмаки и перчатки. Чрез полчаса двери отворились, дамы несли столы, скатерти; три и четыре вместе тащили превеликий самовар, столько же несли чайный прибор и разные закуски. Мы бросались помогать, но нам этого не позволили. В минуту зала уставилась столиками, вокруг коих дамы суетились в приуготовлении чая. Когда сели по местам, из каждого стола вышло по одной даме: они взяли наперед всех англичан, нас последних разобрали поодиночке и угощали точно так, как в своем семействе. После приятного ужина экосезы продолжались до света, и по желанию членов нам предложили билеты на будущие собрания. Этот бал доставил некоторым офицерам знакомства самые приятные.

Окрестности Портсмута

В намерении сделать небольшую прогулку, избрав ясный октябрьский день, мы взяли три почтовые коляски и двух верховых лошадей. Мне досталась одна из последних, но я, как плохой ездок, на манежной лошади скоро отстал от товарищей. Выехав за город и не могши догнать передовых колясок, тихим шагом ехал по прекрасной гладкой и ровной, как пол, дороге. Обе стороны ее густо обсажены шиповником и ежевикой; проезды в поле заставлены рогаткой, так, что никто из проезжих не может ехать стороной. Трудолюбие видно на каждом шагу; нет и клочка земли необработанной. Каждая дача обрыта рвом и обсажена деревьями. Домик земледельца представляет удобность, вкус и чистоту. Во всем видны порядок и устройство; везде встречает изобилие, довольство, и нигде взор не поражается бедностью. Крестьянин работает на прекрасной лошади; тучный рогатый скот и овцы пасутся на лугу его. Ничего худого, истомленного; ничего нет похожего на недостаток.

Чрез две мили меня остановили у шлагбаума. Безногий инвалид, узнав, что я русский, не хотел взять с меня нескольких копеек, положенных для содержания дорог. На четвертой миле лошадь сама остановилась у почтового двора. Не спрашивая, куда и зачем я еду, мне тотчас подвели другую, и три почтальона протянули ко мне руки. Каждый кратко и решительно объявлял свое требование: один просил за то, что подал лошадь, другой – что чистил седло, третий – что почистил шляпу. Пылкий конь, которого не смел удерживать, скоро доставил меня на другую станцию; тут узнал я, что коляски не проезжали, и следственно разлучась со своими товарищами, должен был воротиться в город, без всякого удовольствия, проскакав взад и вперед 16 миль. От верховой езды, к которой не привык, устал, почувствовал необыкновенный голод и, вошед в кухню, просил, чтоб подали скорее готового каплуна. Хозяйка не соглашалась, потому что он изготовлен по заказу господина, который должен сей час приехать; но служанка решила наш спор, взоткнув другого на вертел, жареного подала мне. Лишь только сел я за стол, коляска подъехала к крыльцу; хозяйка прибежала отнять мое жаркое, а служанка, держа ее за руки, не допускала; между тем вошел в залу пожилой мужчина в мундирном сертуке и, узнав

причину шума и то, что я иностранец руской (так назвала меня в досаде трактирщица), успокоил ее тем, что он более был бы доволен ею, если бы она и весь его обед подала мне. Потом, обратясь ко мне, просил вместе с ним откушать. Едва успел я поблагодарить за учтивость, как вбежала в комнату молодая девушка в соломенной шляпке. «Это моя дочь, – сказал полковник. – Бетси! Рекомендую тебе русского офицера: он будет с нами обедать, поди похлопочи, чтоб нам подали чего-нибудь получше, и бутылки две хорошего вина».

За столом полковник распространился о настоящих происшествиях. В откровенном разговоре превозносил бескорыстие нашего императора, и сие нравилось мне потому, что англичане не слишком бывают на похвалы расточительны. Он довез меня до деревни, где по счастью нашел я моих товарищей, которые начали уже беспокоиться, и, возвратясь в город, хотели послать искать меня.

Остров Вайт

Хотя октябрь уже был в исходе, но погода стояла ясная и довольно теплая. Желая воспользоваться свободным от должности временем, согласились мы (нас было 8 человек) осмотреть Вайт и побывать в Ньюпорте, главном сего острова городе, отстоящем от Спитгеда в 12 верстах. Дабы иметь более времени, рано поутру съехали мы в деревню Ковес, против которой недалеко стояли наши корабли. Содержатель кофейного дома, по знакомству, взял на себя труд изготовить экипажи, а между тем подали чай. Пастуший рожок вызвал меня на балкон посмотреть на площадь, куда каждая хозяйка дома или девочка, сопровождаемая собакой, выгоняли скот. Род сих пастушьих собак заслуживает внимание: известно, что в Англии истреблены все хищные звери, особенно в местах, где наиболее занимаются скотоводством; сии собаки столь понятливы и хорошо приучены к скоту, что почти во всех случаях заменяют пастухов.

Оставя Ковес, поднялись мы на небольшую гору, и остров Вайт представил взорам прелестное зрелище! Длинные ряды зеленых холмов, покрытых рощами и садами и разделенных множеством лугов, на коих паслись большие стада всякого скота, покрывали все видимое пространство. Проезжая далее, на каждом шагу встречали мы новые прекраснейшие виды. Смесь пашен с лугами, огородов с садами, дворянских палат с фабриками и чистые земледельческие домики, разбросанные в тени дерев, так разнообразят предметы и делают местоположения столь привлекательными, что, кажется, по всей справедливости Вайт назван *садом Англии*. Здесь даже бесплодные места украшены более, нежели те, кои природа одела зеленью. Всюду видны вкус и похвальное трудолюбие. Болото, песчаное поле, малый ручеек, каменистая гора, хотя с великим издержками, но приносят какую-нибудь пользу. Удобность и чистота хижин земледельцев столь удивительны, что только те, которые были в Англии и входили в них, согласятся, что английские крестьяне живут по-дворянски. Проезжая одну рощу, мы увидели сидящего под кустом пахаря, которому жена наливала чай. Жирная большая лошадь щипала траву подле сохи его. Когда мы к нему подошли, он, не трогаясь с места, предложил нам рому, чаю и сыру. Генрих IV, король французский, желал, чтобы самый бедный поселянин его по воскресным дням имел в похлебке курицу. Если в оном полагал добрый царь благосостояние народа, то русские его имеют, а англичане уже с излишком. Добрая наша горелка, не тот ли же ром? Сыр, чай и различные приправы расслабляют силы, простая только пища их укрепляет; и если бесспорно, что англичане богатейший народ в Европе, то они перешли за черту, и благосостояние их не есть уже то, чтобы иметь только необходимое вдоволь. В окрестностях города, на речке Медине, впадающей в узкий морской рукав, плавало множество домашних птиц, и сего множества, как уверяли нас, едва ли бывает достаточно для снабжения всех кораблей, приходящих на Спитгедский рейд. Ньюпорт весьма невелик, состоит из нескольких прямых улиц, на крест пересеченных и плитняком очень гладко вымощенных. Градоначальник, мирный судья и капитан народной милиции сделали нам честь своим посещением и остались у нас обедать.

Хозяин трактира сначала принял нас на нижнем этаже; но когда приказали ему изготовить лучший обед, то перевел в лучший, где в прекрасно убранных комнатах сам явился в башмаках, причесан и с бриллиантовым перстнем на руке. Стол и все угощение соответствовало его наряду, и, сверх чаяния, взял очень умеренную плату. После обеда посетили мы начальников города, которые, как день был воскресный, предложили прогуляться за город и осмотреть крепость Карисбрук, лежащую от Ньюпорта в 4 или 5 верстах. Разных родов колясочки, запряженные статными лошадьми и управляемые прекрасными женщинами, скакали по гладкой дороге к саду, лежащему при подошве горы, на коей находится крепость. По двум бульварам, в аллеях, шли туда же пешие. Мы, оставя экипажи, пошли к крепости пешком.

Кривая, беспокойная, высеченная в каменой горе узкая дорога привела к воротам; чрез калитку ввели нас на двор, заросший травой; груды камней означали места строений. Взглянув на семейство инвалида, которое составляет гарнизон крепости, и которого должность отворять и затворять ворота для посещающих, взглянув на бывшие некогда здания и на развалившиеся стены крепости, признаюсь, я сожалел о напрасном труде взбираться на такую высоту; но вот инвалид, старый пехотный сержант, начинает рассказывать о достопамятностях Карисбрука. Послушаем: дубовые ворота стоят 800 лет, и вы видите, как они еще крепки; такие-то дубы росли тогда в Англии! Развалины сии служили убежищем Карлу I, который был казнен Кромвелем, а в этой уцелевшей часовне похоронена дочь его, принцесса Елизавета. Ученый инвалид показывал нам после того колодезь, глубиной в 170 сажен; это сначала кажется невероятным, но рассудив, что колодезь находится на вершине горы, на которую мы всходили около получаса и, судя по звуку брошенных каменьев, который доходил до слуха после 56 секунд, глубина сия имоверна. Вода в колодезе столь чиста и прозрачна, что когда опустили туда лампу, то на глубине 2 сажен видны были на дне даже камешки.

Вышед из крепости чрез упавшую часть башни, мы пустились прямо по косогору и не опоздали еще пройти все искривленные аллеи сада, который был наполнен гуляющими. Музыка играла в беседке; дети, прелестные как амуры, прыгали вокруг дерев; одно семейство сидело на коврах и пило чай; другая партия, собравшись в кружок, попивала портер; иные играли в кегли, а большая часть, положа руки за спину, надвинув на глаза шляпу и ни на кого не смотря, скорыми шагами переходили из аллеи в аллею. Сырой, холодный вечерний воздух скоро принудил нас оставить сей прелестный простотой сад. Возвратясь в город, поспешили мы обратно в Ковес, и хотя поздно, но в тот же день успели приехать на корабль.

Мысли и замечания

В характере англичан, в самой их наружности есть нечто особенное, собственно им принадлежащее. Любовь к отечеству и ко всему своему производит в них известную английскую надменность. В опрятности, рукодельях и богатстве они превосходят всех европейцев. Английская чернь величает иностранцев общим именем: *французская собака*; одни только русские исключены из сего уничижительного звания: их называют *рушин добра*, то есть русский, добрый человек. Матросы наши удивительным образом уживаются с английскими: они, кажется, созданы один для другого. Встречаясь в первый раз в жизни, жмут друг у друга руки и, если у которого есть копейка в кармане, тотчас идут в трактир, усердно пьют, дерутся на кулачках и, выпив еще, расстаются искренними друзьями. Ничего не забавнее, как слышать их разговаривающих на исковерканном, составленном из русских и английских *полуслов* языке, который одним им понятен и, кажется, свойственен одним матросам. Часто не останавливаясь, говорят они оба вдруг, один по-английски, другой по-русски и таким образом весьма охотно, по нескольку часов сряду, беседуют о важных предметах. Посредством общепонятных звуков, которых нет ни в каком языке, матросы сообщают свои мысли всякому иностранцу, и их понимают гораздо лучше, нежели например офицеров, которые сим средством пожелали бы объ-

ясняться. Все иностранные имена, морские термины и названия снастей, употребляемые на кораблях, матросы наши странным образом превращают, делая обыкновенно похожие на них произношением русские слова, как, например, корвет «Помона» называют «Помора», «Мельпомена» – «Малая Помора»; «Амфитрида» – «Афросинья»; и так далее.

Со времен королевы Елизаветы Англия начала пользоваться выгодами торговли и на сем новом поприще явила особенную свою способность. Страсть к приобретению богатства, дух торговли постепенно возрастали и утверждались вместе с вольностью. Когда все правительства европейские пожелали иметь в других частях света свои колонии, дабы золотом их обогатить отечество, английское показало наибольшую деятельность. В немногие годы число купеческих судов знатно увеличилось, военные флоты явились во всех морях, богатейшие французские, испанские и голландские поселения завоеваны, и в наше время преимущество Британии на морях возвело народ на высшую степень благосостояния. Разделение ремесел при постоянном попечении правительства привело все художества, все изделия в совершенство. Сам король, будучи участником и покровителем торговых обществ, поощрил богатое дворянство поверить им свои капиталы, чем предприимчивость оборотов до того распространилась, что выгоды сделались верными, а потери нечувствительными. Скупая материалы у тех народов, коих рукоделия находились еще в несовершенстве, и обрабатывая оные на своих фабриках, могли они, чрез уступку цены, сделать английские товары в Европе необходимыми; ибо оны продавались лучшей доброты и дешевле. Ныне 20 000 судов перевозят товары во все страны земного шара, и выгоды последних годов возрастали столь поспешно, что в 1783 году вывоз за границу своих и чужих обработанных изделий был на 14 741 000, а в 1802 году на 57 520 000 фунтов стерлингов. Сими способами, особенно же предприимчивостью, честностью и трудолюбием, Англия видит все сокровища мира стекающимися в ее гавани, и пока изящность, прочность, вкус и чистота принадлежать будут исключительно одним английским работам, до тех пор золото всех торгующих народов будет находиться в руках сих всемирных купцов.

Тацит, описывая конституцию, подобную английской, сказал, что теория прекрасна, но исполнение ее почти невозможно. Опыт доказал, что он ошибся: свободная монархия существует около 500 лет. Вольность, подчиненная закону, составляет прочное благоденствие подданных. Английский король – истинное земное божество! Он раздает милости, награды, имеет полную власть делать добро; закон один наказывает преступников и прекращает злоупотребление власти. Суд присяжных есть главное преимущество, необоримый оплот вольности английского народа. Судьи сии независимы от влияния министров и не подлежат никакой власти. Преступник почитается невинным до тех пор, пока 12 присяжных не обвинят его единогласно, и тогда только один король может простить его, и то не всегда.

В Англии, как в свободной стране, во время мира содержится малое число сухопутных войск. Морская же сила, как необходимо нужная для колоний, наиболее благоприятствующая вольности, содержится в наилучшем порядке. В начале 1800 года британский флот состоял из 224 линейных кораблей, 200 фрегатов, 478 шлюпов, бригов и других малых военных судов, всего из 902 судов. С такой силой, когда все морские державы не могут выслать и половины сего числа кораблей, Британия бесспорно может назваться повелительницей морей. Обитая на острове, уклоняясь от участия в войнах на твердой земле, англичане, отделенные от французов только нешироким проливом, защищаемые плавающими крепостями, находятся в совершенной безопасности от вторжения сильного неприятеля.

Английское правительство употребляет великие суммы для содержания бедных. Опыт показал, что сколько сумма сия возрастала от подписок, столько число бедных прибавлялось. Несмотря на сие, английский нищий, хотя бедно, но всегда чисто одет. Опрятность принадлежит к отличительному свойству английского народа. Английский нищий стыдился бы показаться на улицу в грязном рубище, ибо он уверен, что в сем положении едва ли нашел бы более сострадающих к нему людей.

Свобода книгопечатания и прекрасное устроение народных школ распространили просвещение на все состояния. Нет ни одного, исключая самой низкой черни, который бы не знал своего закона и не умел читать и писать. Просвещение, а с оным и роскошь глубоко пустили корни свои и уже довольно изменили нравы англичан. Кажется, они взошли на последнюю степень возможного в человеческих постановлениях. Раскрыв книгу «История царств», мы увидим, что всеобщее просвещение есть предшествие падения. Матрос, солдат и поденщик, осуждая правительство, толкуя о политике и законах, сделавшись своевольными, могут причинить великие беспокойства. Сколь ни славна конституция Англии и сколько ни ощутительно благосостояние ее граждан, но рано или поздно и над ними исполнится роковой удар. «Падения и нового возвышения для падения, никто не избегает. Вечен лишь Бог, совершен лишь мир, творение рук Строителя Всевидца, и дух, коим мысль наша в превыспреннее возносится».

Торжество победы при Трафальгаре

15 октября получено в Портсмуте известие о сражении при Трафальгаре. Напрасно старался бы я описать радость о победе и печаль о потере Нельсона! Кто в подобных обстоятельствах имел случай видеть восторг англичан, тот только может это себе представить. С самого утра носил по улицам листки[13], описывающие сражение и смерть Нельсона; печаль и радость смешивались на лицах каждого, и везде раздавались восклицания: *Живи в вечности, Нельсон*! Пальба с кораблей и крепостей продолжалась во весь день, и город ночью великолепно был освещен. Лучшие дома украшались прозрачными картинами. Одни представляли Нельсона в тот момент, когда пуля пробила его грудь, и он упал на руки его окружающих. Другие изображали Британию, с горестным лицом принимающую венец победы. Улицы ночью были полны народа; гарнизон стоял в ружье, полковые музыканты играли национальную песню: *Британия, правь волнами*! Не должно ли согласиться, что гораздо славнее умереть в сражении, нежели остаться живым, одержав важную победу, ибо в первом случае зависть, различные толки, сомнения умолкают, и умерший победитель пользуется полной беспрекословной славой!

Трафальгарское сражение есть одно из славнейших, когда-либо бывших на море. 2 октября ст. стиля соединенный французский и испанский флот, состоявший из 33 линейных кораблей, под командой французского адмирала Вильнева, вышел из Кадикса и направил путь свой к Средиземному морю. Вице-адмирал Нельсон с 27 линейными кораблями, пользуясь небольшим ветром от запада, догнал неприятельский флот близ мыса Трафальгара. Построя две колонны и оставя позади себя резерв, лорд напал на центр соединенного флота с ветру, прорезал, окружил его с обеих сторон превосходной силой, и прежде нежели арьергард неприятельский успел подать помощь центру, оный уже был расстроен. Авангард же, напав на английский резерв, также был разбит. В четыре часа сражение кончилось совершенным поражением союзного флота, из которого 19 кораблей на месте битвы спустили флаги и взяты в плен. Испанский адмирал Гравина только с 9 кораблями успел войти в Кадикс. Пять французских кораблей, бывших в резерве и почти не участвовавших в сражении, в Бискайской бухте взяты контр-адмиралом Страханом. Решительная сия победа лишила последней морской силы Францию и Испанию. Англия претерпела важнейшую потерю: флот ее лишился любимого, храброго, счастливого предводителя; Британия своего героя, в 104 морских битвах всегда торжествовав-

[13] Один раз идучи из Адмиралтейства, вижу женщину, раздающую листки и кричащую: «Славная победа русских над французами». Подхожу, беру листок и спрашиваю: сколько ей надобно? Гинею, сударь! За что так дорого? Русскому можно это заплатить за победу (при Кремсе), приносящую ему столько чести. Если за каждую платить по гинее, отвечал я, то надобно много денег, чтобы быть в состоянии покупать у тебя все объявления о наших победах. Женщина, подавая мне несколько листков, сказала: прекрасный ответ! Он принесет мне по крайней мере 2 гинеи; возьмите сии за 4 пенса. В тот же день разговор сей напечатан в портсмутских газетах. Вот до чего простирается здесь страсть к новостям.

шего, последней же победой приобретшего своему отечеству неограниченную власть на всех морях. Роковая пуля из мушкетона с корабля «Сант-Тринидад»[14] попала в эполет и пробила насквозь плечо и грудь славного Нельсона. Он жил только несколько часов. Когда отнесли его на кубрик для перевязки, и когда лекари не могли скрыть, что рана его опасна, он велел позвать к себе капитана корабля. Сражение еще продолжалось. Вошедший в каюту капитан сказал: «Поздравляю Ваше Превосходительство! 19 кораблей в наших руках; и „Тринидад“ пошел ко дну». «Мой друг, – отвечал ему Нельсон, – я всегда желал пасть в сражении, и теперь умру спокойно. Попросите от меня Колингвуда (старший по нем вице-адмирал), чтоб он на ночь непременно стал на якорь. Вот последние мои повеления: жалею, что не могу сделать больше для моего отечества!» Сказал и на руках друга своего скоро после того испустил последнее дыхание. Так умер герой, который в жестокие минуты смерти не потерял присутствия духа и в последние мгновения жизни спас английский флот; ибо, как он предвидел, в ночь восстала такая буря, что все пленные корабли, которые не успели стать на якорь, большей частью потонули или брошены были на берег.

Англичане отдают справедливость храбрости испанцев; они дрались с ожесточением и сопротивлялись гораздо долее, нежели сами неприятели их того ожидали. Наполеон долго не верил, что флот его не существует; печальная истина уверила его наконец, что для его честолюбия несколько тысяч французов бесславно погибли. В сем сражении сделано несколько ошибок, из коих главнейшие, как уверял меня один английский офицер, были следующие: союзный флот в тот же день, как вышел из Кадикса, мог бы атаковать английский с ветру, тем с большей выгодой, что тогда оный состоял только из 25 кораблей. Соединенный флот так хорошо сомкнул свою линию, что если бы, по совету Гравины, начали стрелять, не допуская близко английских колонн, то сражение не могло бы так скоро быть решительным, но Вильнев приказал открыть огонь тогда, когда Нельсоновы корабли были уже на картечном выстреле. Первый залп был ужасен и передовые корабли «Виктория» и «Роял-Соверен» потеряли мачты; но они уже были близки, и с выгодой могли вступить в бой. Напротив, английский резерв стал стрелять по французскому авангарду, лишь начали доставать ядра, и потому-то прежде, нежели оный дошел до английской линии, то был уже вполовину побежден. Главная же ошибка состояла в том, что Вильневу, а не Гравине поручен был флот. Французский адмирал, храбрый может быть, но не столь искусный, каким почитался испанский, не имел доверенности ни в своих, ни в испанских офицерах и матросах. Англичане сами признаются, что мужественный и опытный Гравина мог бы со славой состязаться с отважным и счастливым Нельсоном, и по крайней мере под его предводительством союзный флот, в 4 часа, не был бы разбит столь совершенно.

Сант-Эленский рейд

Купленные в Лондоне бриги «Феникс» и «Аргус», первый о 16, второй о 12 коронадах, пришли на рейд, и как к тому же времени замки к пушкам[15] были приделаны и провиант принят, то эскадра 16 ноября оставила Портсмут; но когда обошли Вайт, при наступлении ночи сделался столь жестокий ветер от юго-запада и столь великая пасмурность, что на рассвете адмирал принужден был возвратиться и стать на якорь при южной оконечности Вайта на Сент-Эленской рейде. Три дня спустя пришел туда же фрегат «Кильдюин», а корабли «Селафаил» и «Уриил», в первую ночь разлучась с эскадрой, остались в море. Крепкие противные ветры

[14] 140-пушечный испанский корабль, на коем был флаг адмирала Гравины.

[15] Пушечные замки имеют ту выгоду, что канонер, наблюдая движение корабля и дернув к себе веревочку, спускающую курок, может сделать верный выстрел и в отдаленный предмет; но в сражении, на близком расстоянии, курки неудобны потому, что обившиеся кремни некогда переменять; однако ж и тут они не мешают, – отложив полку, можно стрелять фитилем.

продолжались во все остальные дни сего месяца, в конце коего адмирал послал «Кильдюин» в Плимут осведомиться, не зашли ли туда расставшиеся с нами корабли.

3 декабря при свежем северо-восточном ветре эскадра снялась с якоря. В то самое время, как мы вступили под паруса, 12 наиболее поврежденных в Трафальгарском сражении кораблей лавировали к рейду. Прекрасный стопушечный корабль «Виктория» вез тело Нельсона. Спущенные вполовину флаги и вымпелы, осколки мачт с маленькими парусами и пробитые ядрами борты кораблей, возбуждали наши любопытство и внушали глубокое чувство уважения к бесстрашному герою Англии. Наши адмиральский корабль салютовал его 15 выстрелами; «Виктория» ответствовала равным числом. Множество яликов и ботов из Портсмута вышли навстречу победоносному флоту; началась пальба из пушек; густой дым закрыл Спитгед, и эскадра наша, обогнув Вайт, под полными парусами летела вдоль берегов Гэмпшира. На другой день, когда мы подошли к Плимуту, фрегат «Кильдюин» соединился с нами и донес вице-адмиралу, что разлучившиеся корабли, не заходя никуда, прошли в океан, почему и продолжали мы идти вдоль берегов Девоншира и Корнуолла. Поравнявшись с мысом Лизард, отпустили лоцманов, по пеленгам утвердили место корабля на карте и, построясь в походный строй, пустились в открытый океан.

Плавание Атлантическим океаном

Корабли с свежим фордевиндом, то есть самым попутным ветром, дующим с кормы, летели на всех парусах. По мере удаления от берегов ветер крепчал, волнение усиливалось и седая пена валов покрывала всю поверхность океана. Прелестный берег Англии постепенно утопал в бездне; уже хребты волн равнялись с зелеными его холмами; наконец они скрылись, и мы, как осиротевшие, остались посреди необозримого океана, окруженные сумрачным небом и шумящими волнами. Захождение солнца предвозвещало непогоду; черные облака мчались вслед за нами от севера, и мелкий туманный дождик начинал накрапывать. Пасмурный вид природы хотя не устраивал меня, но невольная грусть вливалась в сердце. Скорый переход от удовольствий к опасностям наполнял воображение печальными мыслями, и когда берег Англии исчез; когда все приятные мечты, подобно сновидению, миновались; с тоской, с грустью неизъяснимой взирал я на грозное приуготовление бури и на ужасный мрак, который с небесной высоты сходил, спускался ниже и ниже, и видимый нами горизонт уменьшил в небольшой круг. Мелкий дождик принудил меня сойти в кают-компанию: она представляла гостиную, куда собралось общество согласных родных. Одни играли в бостон, в шахматы, в лото, другие разыгрывали, как умели, квартет; иные читали или заботились приуготовлением чая. Закурив трубку и подвинув стул к камину, я любовался злым пламенем, которое то воздымалось, то упадало, то возгоралось, то угасало… Наконец, спокойные лица и приятные занятия моих товарищей скоро рассеяли мою скуку.

Но не так легко преодолеть оную тому, кто в первый раз видит море: ужасный вид оного поражает чувства его сильнее, он невольным образом погружается в уныние, и печальное воображение, увеличивая опасности, расстилает их пред ним на каждом шагу.

Невзирая на пасмурную, довольно холодную погоду, бывшую 3, 4 и 5 декабря, офицеры во весь день не сходили со шканец и наслаждались видом поспешного плавания. Корабли шли по 18 верст в час. Несмотря на большое океанское волнение и сильный ветер, все были спокойны и тихи. Один повелительный голос вахтенного лейтенанта время от времени повторялся: он скорым движением руля, предусмотрительным оборотом парусов, держал в повиновении корабль, предохраняя его от быстрого уклонения с пути, могущего подвергнуть его великой опасности и даже бедствию. Должность лейтенанта на корабле самая важная. Капитан управляет и располагает действиями, относящимися к безопасному плаванию, на лейтенанте же лежит исполнение его повелений, и сверх того предохранение корабля от внезапных, часто

мгновенных случаев, от коих, при малейшем пропуске принятия мер к отвращению оных, могут воспоследовать неотвратимые злоключения. Я любить смотреть, как опытный мой вахтенный командир, став на бортовую сетку или ростры, быстрым взором обозревал все, что делается впереди, позади его, наверху и внизу; как громким голосом приводил он всех в движение и не упускал мгновения, дабы упредить какую-либо опасность, которой он ни в каком случае не боялся. Морская служба – школа военных людей: в ней образуется тот дух, та предприимчивость и смелость, которые им нужны в сражении. Морской офицер, расторопно и благоразумно управляющий кораблем во время бури или бедствия, можно поручиться, не убоится первый идти на штурм. Опытные моряки, преодолевая опасности, все ужасы своей службы, находясь большую и лучшую часть своей жизни, так сказать, в *челюстях смерти*, принимают на себя тот пасмурный, угрюмый и молчаливый вид, по которому отличить их можно. Читатель! если тебе случится встретиться с российским мореходцем такого вида, отдай ему справедливость твоим вниманием и будь уверен, что он храбрый, мужественный человек, и может быть не один раз спасал жизнь тысячам твоих соотечественников.

В ночь с 5 на 6 декабря английский фрегат «Пегас», подошед к кораблю «Москве», уведомил, что французская Рошфорская эскадра, состоящая из 7 кораблей и нескольких фрегатов, собственно назначенная для недопущения эскадры нашей в Средиземное море, вышла из порта, и что он послан от флота адмирала лорда Корнуолла, дабы предупредить нас и сыскать эскадру неприятельскую. Вскоре после полудня 6 декабря вдали на горизонте показалось несколько мачт военных кораблей: это были неприятельские. Хотя с нашей стороны не было настоящего объявления войны Франции, и войска, бывшие в Австрии, сражались под именем вспомогательных, но, конечно, французский адмирал, имея столь превосходную силу, не упустил бы напасть на нас; почему на корабле «Ярослав» поднят был сигнал поставить всевозможные паруса; эскадра наша поворотила к Феролю, который блокировала английская эскадра. Неприятель в числе 11 парусов пошел на пересечение нашего курса, надеясь не допустить нас соединиться с англичанами. Эскадры сблизились, уже казалось невозможным избежать сражения; но искусное распоряжение адмирала обмануло неприятеля, темная ночь скрыла наши движения, и он упустил нас из рук. При захождении солнца подняты были следующие сигналы: 1) скрыть огни, 2) в 8 часов поворотить без сигнала к западу, 3) в полночь переменить курс и идти на юг, 4) приуготовиться к бою. По рассвете мы уже не видали французов. Как мы встретились с неприятелем в день Николая Чудотворца, то матросы наши усердно желали сразиться. Когда батареи были готовы и всем показаны свои места, то дабы чем-нибудь занять людей, заставили их петь и плясать, а для поощрения дали выпить за здоровье государя по лишней чарке вина. Штурманские ученики, юнги, фельдшеры, то есть люди грамотные, сделали из флагов кулисы и представили оперу «Мельник» для своих зрителей довольно порядочно. После театра рожок и бубны предводили многими хорами солдат, матросов и артиллеристов, споривших о преимуществе. Все пело и плясало, никто не думал о близкой беде. В кают-компании, после сытного ужина, которым и толстый винный откупщик в Москве был бы доволен, несмотря на то, что корабль немного качало, офицеры танцевали до самого света.

Благополучный ветер столь бы свеж, что 7 декабря мы уже прошли Финистер, тот мыс, где Юлий Цезарь, в означение, что тут кончится земля, поставил столп, который и до сих пор сохранился. По мере плавания нашего на юг, мы находили погоду теплее, небо прочистилось и ветер начал упадать, на высоте Лиссабона сделалось совсем тихо. Новая зыбь шла от запада и, спираясь с прежним волнением, производила беспокойное, неправильное колебание, которое толкало корабли, оставшиеся без управления, и носило их во все стороны. Волны вздымались, падали и представляли океан, изрытый в пропасти. Скрип мачт, треск корабельных членов и беспрестанное хлопанье парусов и снастей наводило неизъяснимую скуку; голова кружилась и многих *укачало. Морская болезнь* сия столь мучительна, что страждущий ею человек никакой пищи, ни питья, ниже лекарства принимать не может. Люди сильного и слабого сложения

без различия бывают оной подвержены. Привычка к морю ослабляет действия болезни; другие никогда не чувствуют оной, иные же и при малейшем колебании никогда освободиться от оной не могут. Участь сих последних жалости достойна: то сильный жар разливается по всему телу, то при палящих лучах солнца больной под несколькими одеждами дрожит от холода, уста запекаются, беспрестанно тошнит, все тело покрывается желтизной, и наконец страждущий так ослабевает, что становится ко всему хладнокровен; печаль и надежда равно для него исчезают, прошедшее и будущее суть для него ничто. В сей крайности должно принуждать больного есть черные сухари, размоченные в уксусе или квасе, и сосать лимон; ибо это одна пища, которую они могут принимать не с столько великим отвращением. Свежий воздух, теплая одежда, иным малое движение, а другим совершенное спокойствие, также облегчают болезнь. Впрочем, когда перестает качать, то болезнь сия в то же время проходит и не причиняет никакого вреда здоровья. Заметить должно, что беременных женщин и детей никогда не укачивает.

8 и 9 декабря, при маловетрии, сильном волнении и тумане провели мы в самом неприятном положении; 10-го же, после полудня, туман поднялся, волнение утихло и для следования к Гибралтарскому проливу ветер сделался самый благоприятный. Теплота, какой в нашем климате в декабре ожидать нельзя, небольшой ветер и приятная погода скоро привели в забвение беспрестанные беспокойства прошедших дней. Мы окружены были новым зрелищем: стада чаек, разного рода морских птиц вились в воздухе; множество касаток и дельфинов играли около кораблей; полипы, медузы, морское сало и черепахи медленно двигались по пестреющей поверхности вод; море казалось одушевленным: все обитатели его вышли насладиться свежестью воздуха. 11 декабря к вечеру увидели наконец землю: то был мыс Сан-Винцент. Положа по нем место на карте и слича оное с счислением, нашли мы нечувствительную разность; оная произошла от течения моря, которого при великом волнении не можно было измерить. 13-го числа, когда подошли к Гибралтарскому проливу, вновь сделалась тишина. Быть в виду пристанища, коего с нетерпением желал достигнуть, и между тем не иметь возможности двинуться с места, есть неприятность, которая только на море случается! Нетерпение наше подобно было жажде Тантала. Наконец, 14 декабря ветер подул, эскадра вошла в пролив и стала на якорь у Гибралтара, где нашли мы корабли «Селафаил» и «Уриил». Плавание наше океаном было счастливо и поспешно, ибо, невзирая на то, что трое суток за тишиной не сделали и мили вперед, расстояние по прямой лини около 3500 верст прошли в десять суток.

Гибралтар

Не видав несколько дней кроме неба и воды, с удовольствием смотрю на те Геркулесовы столпы, которыми означался предел древнего мира. Высокая утесистая скала Гибралтара, кажется, падает на корабль мой, и первая, подобно как все великое и сильное, привлекает к себе внимание. На вершине ее в поднебесной высоте виден телеграф, а при оном домик, мелькающий между проходящих облаков; к северу пологий зеленый берег Андалузии узким песчаным перешейком едва касается гранитной громады Гибралтара. Обширная бухта в окружности около 60 верст идет от крепости на запад, загибаясь в правильном полукруге, открытом к Африканскому берегу. По набережной сего залива видно множество селений, крепостей и городов; только на пушечный выстрел от Гибралтара одна за одной лежат испанские крепости Сан-Филиппа и Сан-Рока; прямо против их виден Алжезирас, в гавани коего стоят несколько французских корсаров и испанских канонирских лодок, которые во время тишины в проливе нападают на конвои и даже из-под пушек Гибралтара в ночное время уводят купеческие суда. К северу вдали синеются горы Андалузии, к югу же берег Африки украшается огромными горами. Абилла, высочайшая из них, составляет второй столп Геркулесовых ворот. Цейта, испанская крепость, лежащая на Варварийском берегу, так сказать, стережет Гибралтар.

Несколько узких кривых улиц составляют небольшой городок, толстая стена с юга, запада и севера закрывает его так, что ни с моря, ни от испанских крепостей его не видно. Домы, вновь построенные на английский вкус, делают совершенную противоположность с старыми испанской архитектуры, которых плоские крыши и четвероугольные башенки, называемые мирандами[16], как по дикому, унылому положению, так и великим жаром, здесь бывающим, более приличествуют и климату и месту, нежели веселые красивые английские домики. Два дня бродили мы по горе, взбирались к облакам, спускались в пропасти и лазили по крутизнам. Неприступность Гибралтара с первого взгляда очевидна; по точном же исследовании укрепления его непреодолимы. Представьте себе гранитную гору, которой северная и восточная стороны совершенно отвесны, западная и южная хотя не так высоки, но также круты. Море при подошве горы с двух сторон усеяно подводными камнями; волны, разбиваясь об них, производят бурун, препятствующий приставать шлюпкам. Новая мола[17], единственное место, где можно высадить войска, как и вся западная сторона, покрыта батареями. Укрепления на северной стороне заслуживают особенное внимание. В нескольких шагах от утеса построен правильный вал, со рвом и равелином, занимающий всю небольшую ширину перешейка, который в некотором расстоянии от гласиса перерыт каналом со шлюзами, помощью коих в случае осады все пространство до испанских линий наводняется. Отсюда по лестнице, глубоко высеченной в обрывистой горе, взошед на высоту 200 сажен, чрез дверь вошли мы в славные галереи, иссеченные в утробе каменной горы. Каждый каземат имеет 48- или 24-фунтовую пушку и просторно поместить может 30 солдат. Толстота наружной стены имеет около 4 сажен; амбразуры, в ней пробитые, служат вместе для света и для сообщения воздуха. Позади каземата, далее внутрь горы высечен пороховой погреб; а возле – комната, где лежат все снаряды для одной пушки. Обошед несколько комнат, я думал, что должны будем по прежней опасной лестнице спускаться вниз; но нас повели вверх и мы вошли во вторую галерею, подобную первой. Осмотрев оную, еще три раза мы должны были подыматься. Переходы сии освещаются небольшими, в горе пробитыми окнами. Пробыв несколько времени во внутренности горы, на высоте 300 или 400 сажен, излазив все галереи и переходы, наконец устав до чрезмерности, вышли на вершину, откуда город, рейд, испанские линии представлялись как на чертеже. И здесь на ужасной высоте, на самом краю горы, откуда, без замирания сердца, смотреть вниз невозможно, поставлены тяжелые орудия, а позади их мортиры. Со стороны Средиземного моря, на углу скалы, природа образовала род круглой колонны, которую называют *Чортова башня*. Невозможно, кажется, исчислить, сколько иждивения, трудов и времени стоили сии галереи; в них ни ядра, ни бомбы не могут причинить никакого вреда гарнизону, а как нельзя предполагать, чтобы можно было подкопать и обрушить каменную гору вышиной более версты, то посему Гибралтар, единственная в свете крепость, где 5000 солдат, имея нужные запасы, могут противостоять 100 000 осаждающих. Отдохнув на мортирной поддоне, по скату горы спустились мы в город, который восточной стороной прислонен к горе.

Вышед из города чрез южные ворота, проводник показал нам стену, построенную на краю глубокого оврага, простирающегося от вершины горы до городского рва. Если бы неприятель завладел новой молой, то стена сия, защищаясь одной ружейной обороной, могла бы остановить его; и с сей стороны город и галереи, по причине пропастей, расселин и крутизны, атакованы быть не могут. Близ города, к удивлению нашему, увидели мы несколько дерев, виноградники и зелень; а как до сих пор не заметили ни одной растущей былинки, то и спросили у проводника, на чем выросла эта зелень? На земле, привезенной с того берега (показывая на Африку), отвечал шотландец.

[16] «Миранда» на испанском языке значит «удивляться».

[17] Каменная плотина, служащая для защиты кораблей от ветров.

На другой день, согласившись осмотреть остальную часть Гибралтарской скалы, начали мы подыматься вверх по излучистой дороге. До некоторой высоты можно ехать верхом и в легкой повозке; но чем выше, тем гора становится круче, дорога беспокойнее. Уставши, на половине горы мы отдохнули в нарочно высеченной небольшой впадине, где весьма кстати поставлены скамейки. Поднявшись еще немного, проводник, остановя нас, сказал: «*Вот пещера св. Михаила*». Сделав несколько шагов вниз, вошли мы в подземелье, которое походило на высокий чертог; искусная рука природы украсила его чудным великолепием: черный свод поддерживается разного вида и величины подпорами, некоторые из оных имеют аршин в поперечнике. Стены, где свет входил в отверстие пещеры, блистали хрусталями, имеющими вид человека, зверей и птиц; тяжелые глыбы, подобно ледяным сосулькам, висели на прилепе по стенам и сводам. Вода, пробираясь сквозь скважины земли и беспрестанно падая со свода, капля по капле, каменеет и образует прозрачные белого цвета сталактиты. Камни сии, постепенно в толщине и длине увеличиваясь, составили сии кривые столпы и чудесные изображения, которые в продолжение веков, вероятно, нарастут так, что собой наполнят всю пещеру. Проводник уверял нас, что оная столь глубока, что еще никто не спускался до самого дна. Товарищи мои желали сойти сколько можно ниже; но не имея ни веревки, ни факела, не осмелились слишком углубляться. Пещера сия лежит выше горизонта воды на 185 сажень. Гибралтар кроме сих сталактитов доставил любителям редкостей другие, не менее важные. В 1788 году, во время подрывания порохом северной скалы для постройки галереи найдены окаменевшие большие кости животных. Некоторые из них доставлены в Британский музеум неповрежденными. Каким образом остовы сии попали в утробу каменой горы?

Вопрос сей подал повод к разным между учеными людьми прениям и заключениям, кои, кажется, кончились признанием ясных доказательств о бывшем всемирном потопе. От пещеры до вершины горы не было уже дороги: взбираясь по каменьям, осыпающимся под ногами, от чрезмерной крутизны, столь трудно идти, что часто принуждены мы были отдыхать; наконец, немного не дошед до вершины, увидели ворота, на коих крупными словами подписано по-английски: «*Проход из Океана в Средиземное море*». В самом деле, лишь только вышли мы из-под свода, просеченного насквозь горы, то прямо под ногами увидели Средиземное море. Волны при подошве горы крутились, наступали на каменья и, отраженные от них, превращались в белую пену и брызги; но шум их едва глухим стоном доходил до нашего слуха. Вообразивше себя на ужасной высоте, висящей прямо над водой, положите, что и у вас закружилась голова, и поспешите вместе с нами воротиться назад. Под сводом на стенах написано было множество имен на всех языках; иные стерлись, другие трудно было разобрать. Французские стишки: Les noms des fous se trouvent partout (Имена дураков повсюду находятся), отняли у нас желание вырезать тут свои имена. Отсюда должно спуститься к пещере, сказал проводник, а оттуда подняться к телеграфу. Желая пройти к нему прямее, трое мы, отделившись от прочих, взлезли сначала на самую вершину горы, и зрелище величественное вознаградило немалый труд наш. Не только Гибралтар со всеми своими укреплениями, берега Андалузии и Гренады со множеством городов и крепостей, не только Алуксара и снежные африканские горы, подпирающие облака, но весь пролив с немалым пространством океана и Средиземного моря явились взору, как на картине, раскрашенной блестящими красками. Ясное солнце игрой лучей своих различно позлащало предметы. Такое множество живописных мест, в том точно положении, в каком отсюда они представлялись, кажется, и самому искусному художнику изобразить невозможно. Пробираясь к телеграфу по хребту горы, пришли мы к столь глубокому и крутому оврагу, что принуждены были оставить сию дорогу и пуститься вниз прямо к новой моле. В овраге видели мы несколько обезьян: непонятно, чем они тут питаются. Терновник и душистая сухая трава, на которой скользят ноги, растут по горе местами. У губернаторского сада, вновь разводимого, сошлись мы с товарищами и, измучась до бесконечности, все вместе возвратились на корабль.

Гибралтар прежде называется Мон-Калп, потом сарацины, построив на горе сей крепость, назвали по имени одного из своих генералом *Жибель Тариф*, то есть гора *Тариф*, а от сего произошло нынешнее название *Жибралтар*. Сия крепость попеременно была во власти испанцев и мавров, наконец взята от первых соединенным английским и голландским флотом под командой Георга Руке в 1704 году, не силой, а нечаянным случаем. Принц Гессенский, вышед с войсками на перешеек, уверился, что нападение с сей стороны было невозможно. Флот, сделав 15 000 выстрелов, не причинил и малейшего вреда укреплениям. Одно оставалось средство – принудить к сдаче крепость голодом, но оная досталась англичанам гораздо скорее. Партия матросов, выпивши лишнюю порцию грога, в двух или трех шлюпках приблизилась к Новой Моле, осмелилась выдши на берег и напала на малое число испанцев, тут находившихся. Со флота тотчас посланы были все люди, и как крепость с сей стороны еще не имела стены, то и принуждена была сдаться. В 1713 году Утрехтским миром Гибралтар утвержден во владении Англии. Испанцы несколько раз покушались возвратить его. Последняя осада соединенных сил Испании и Франции с моря и сухого пути прославила генерала Елиота, который с малым гарнизоном отразил осаждающих с великой потерей. Принц Нассау, будучи тогда генерал-лейтенантом испанской армии, построил выдуманные им плавучие батареи, но они были потоплены и 300 больших пушек достались англичанам. Гибралтар, находясь на пути от Англии в Мальту, служит главным сборищем купеческим и военным флотам, защищает левантскую торговлю и наблюдает Кадикс и Карфагену, где испанские эскадры содержатся в блокаде.

Плавание Средиземным морем

17 декабря вся эскадра, кроме брига «Аргуса», отставшего у Сан-Винцента, снялась с якоря. Невзирая на малый ветер, попутное из океана течение помогало ходу, и мы плыли по 10 верст в час. Гибралтарский пролив имеет два течения. У африканского берега вода стремится из океана; а у европейского из Средиземного моря. Океанское течение посреди пролива столь сильно, что при легких ветрах корабли относит назад. Течение океана далеко входит, не смешиваясь с водой Средиземного моря, оно сохраняет свой цвет более черный, и потому многие Средиземное называют белым морем. На сто верст западное течение действует почти с одинаковой силой. В проливе наиболее дуют восточные и западные ветры, ибо в море, с которой бы стороны они ни были, приходя к узкому, высокими берегами окруженному каналу и отражаясь обеими сторонами, берут направление пролива и дуют в нем сильнее, нежели в море. По сей причине бури бывают крепче и чаще во всех заливах и при выдавшихся мысах, нежели в открытом море.

18 декабря прекрасный день, какой у нас бывает в мае, украшался еще более приятным плаванием близ берега. Каждый час новые предметы приближались, проходили мимо и скрывались. Там вдали, на краю горизонта, отдаленный берег показывается тонкой синей чертой, чрез несколько минут вид его изменяется, а чрез час он представляется высокой горой. Счастливое плавание в хорошую погоду недалеко от берега приятнее и покойнее земного путешествия. В первом, прогуливаясь на палубе, переходишь великое пространство без усталости и в большем обществе проводишь время с удовольствием; в последнем, будучи заключен в карете, поджав руки и ноги, сидишь в принужденном положении, между тем как пыль, набившись в нос, в рот и ослепив глаза, препятствует наслаждаться видами.

19 декабря восходящее солнце позлатило светлую лазурь неба; ни одно облако не помрачало ясного свода его. Легкий ветерок едва колебал море, и скоро наступила совершенная тишина. Морская тишина (штиль) для простого путешественника спокойна; но мореплаватель не любит ее потому, что она препятствует успехам его намерений. Три дня у небольшого, пустого и голого камня Аборана томились мы мучительным, беспокойным ожиданием ветра, думая, авось-либо с которой-нибудь стороны он повеет. Каждое облако, каждая пест-

ринка на небе казалась нам предвозвестницей оного; но надежды наши были тщетны: зеркальная поверхность моря пребывала в неподвижной гладкости. После ученья из ружей в цель и примерно у пушек, люди, чтобы не быть в бездействии, иные пели, другие занимались своей работой или ловили рыбу. Юнги[18] едва успевали закидывать уды, как вытаскивали по две и по три рыбы вдруг; на уду же, пустив приманку, плавающую на воде, ловили они чаек. Множество сих морских птиц вились вокруг кораблей, отнимая с криком одна у другой куски хлеба, которые мы им бросали, или дрались за пойманную рыбку, то в беспорядке садились на воду, то вмиг взвивались на воздух. Как день был очень жарок, то людям позволили купаться; для сего спустили шлюпки и у бортов для не умеющих плавать растянули на веревках парусы, на которых мылись они точно так, как в ванне.

Оставя отечество при наступлении осени, в несколько дней перешли мы в южную Англию, где прекрасная погода еще продолжалась; когда же и тут начались дожди и туманы и когда растительная сила природы и там начинала мертветь, то в бурном декабре перенеслись мы в жаркий климат Европы. Там прекраснейшее лето вновь нас встретило. Все творение исполнено было жизни, все цвело, все одето зеленью, и тысячи насекомых шумели в воздухе. И так, не видав снегу, инеев, холода и зимы, не должны ли российские плаватели совершенно быть очарованы? и свежесть воздуха и необычайная теплота не должны ли быть разительны для людей, привыкших жить в суровом севере? Прекрасный день сопровождался еще прекраснейшей ночью, но сии ночи довольно холодные и сырые от падающей росы, вредят здоровью. Скорый переход от жара к холоду производит простуду и скорбут, но, поступая по данным нам наставлениям о сохранении здоровья людей, служители наши не были подвержены сим болезням. Трюм[19] корабля, наиболее зараженный спершимся воздухом, очищался чрез проветривание. Палубы ежедневно окуривались уксусом и порохом. Чистота и опрятность, как корабля, так и экипажа, во всей точности наблюдалась. Более же всего смотрели, чтоб на воздухе с открытой головой и в мокром платье не ложились спать. Недостаток свежей воды, испортившееся мясо и другие провизии умерщвляют людей иногда более, нежели сражение, беспрестанный труд и беспокойство. Вода в бочках, стоящая на низу трюма, особенно в жаркие месяцы, обыкновенно на четвертый день начинает портиться и скоро делается вонючей. Цедильный камень и машина для очищения воды не могут на каждый день для 800 человек приготовить достаточного количества. Все другие средства и изобретения для производства их на корабле найдены вовсе неудобными и не соответствующими своей цели, и посему-то недостаток свежей воды есть главное неудобство морской жизни. Но, переменяя часто воду и имея свежие запасы, мы на кораблях не имеем ни в чем нужды. Благодаря крайнему старанию главнокомандующего о довольстве людей, во все продолжение кампании ни на одном корабле не было тех заразительных болезней, которые происходят от гнилой пищи и подобно кровавой войне свирепствуют между морскими служителями.

После штиля, при тихом восточном ветре 20 декабря ночью, у мыса Гато близ Армии встретились мы с английским флотом из 15 кораблей под начальством вице-адмирала Коллингвуда, от кого уведомились мы, что он идет в Вест-Индию искать Брестскую эскадру, на которой Иероним [20], брат Наполеона, находится. В Карфагене же, блокированной сим флотом, стоят 8 кораблей, из коих три стопушечные. Приняв все меры осторожности и быв в готовности к сражению, с свежим попутным ветром прошли мы Карфагену, 27-го числа подошли к Сардинии, а 29 декабря, лавируя при крепком северном ветре, стали на якорь у Калиари.

---

[18] Малолетние матросы.

[19] Большой погреб на дне корабля, где кладутся балласт, дрова, вода в бочках и другие запасы.

[20] Жером

Калиари

Бедная столица короля Сардинского лежит на крутой горе, обнесенной двойной каменной стеной, и окружена низкими местами, солеными озерами и болотами. Внизу города небольшая гавань. Высокие горы, пересекающие весь остров, стоят в некотором расстоянии. К северу видна длинная плотина, отделяющая большое озеро от рейды. Калиарский залив, имеющий направление от юга на север, неудобен в зимнее время по причине жестоких порывов, находящих из-за гор от севера, с моря же не будучи ничем прикрыт, подвергает корабли, на оном стоящие, волнению от юга. Фертоинг, должно становиться, кладя один якорь на северо-запад, другой на северо-восток. Хороший иловатый грунт и глубина от 4 до 18 сажень делают рейд в другое время года довольно безопасным.

Едва заметили в городе наши большие корабли, несколько испачканных лодок или, по крайней мере, не так чистых, какие доселе мы привыкли видеть, наполненных музыкантами и нищими, пришли к кораблям; и те, и другие просили милостыни, одни за поздравление с благополучным прибытием, другие за труды, которые они приняли для умилостивления нас своим шутовским криком и вместе смешными и жалкими кривляньями. Босые ноги, всклокоченные, никогда не чесаные волосы, лохмотье, покрывающее закоптелое от нечистоты тело – словом, вся наружность сих сардинцев приводила в сострадание. Мы должны были выдержать трехдневный карантин, в которое время ездить на берег и сообщаться с стоящими на рейде судами строго было запрещено. Впрочем, все нужное доставляли нам на лодках. Дешевизна плодов нас удивляла: за десять апельсинов платили мы копейку, а за два пуда миндалю – талер.

Карантин кончился, всякий спешил на берег. Выходим на пристань, толпа народа, снявши свои красные колпаки, с почтительным видом следовала за нами. Куда ни оборотимся, чернь приветствовала поклоном. Спрашиваем по-итальянски, где лучший трактир? И множество голосов, доселе позади вполголоса говоривших, вдруг отвечали: «Вот самый лучший!», протянув каждый обе руки и показывая на дом против стоящий. Входим: в темной комнате стоял пошатнувшийся пыльный бильярд, никого нет. Идем во второе жилье, хозяин в засаленном фартуке, с изумленным видом, сорвав с себя колпак, спрашивает, что угодно? торопится, просит садиться, уверяет, что у него трактир самый лучший и что все иностранцы у него только были довольны. Заказав обед, пошли мы в город прогуляться, несколько маклеров предложили нам, не угодно ли что покупать? Наперед хотим видеть город, сказал один из нас. Как прикажете, ваше превосходительство! (так обыкновенно величают здесь иностранцев) и тотчас один из них большими театральными шагами пошел впереди, а другие в почтительном отдалении следовали позади нас.

Прекрасно выстроенные дома с плоскими крышками, обнесенные решеткой, уставленной вазами цветов, составляют разительную противоположность с нечистотой улиц. При первом взгляде на итальянский город, леность, нерадение и подруга их нищета повсюду представляются. На каждом шагу встречали мы нищих, едва покрытых изорванным куском холстины. Они, окружив и преследуя нас неотступно, просили милостыни, уверяя, что уже несколько дней ничего не ели; с уничиженным видом показывали на небо, говоря, что оно только служит им покровом, что они не имеют никакого убежища от суровости погод. И так не благорастворение воздуха и плодородие земли доставляют благоденствие народу. Трудолюбивый норвежец в бесплодной земле достает себе лучшее содержание, нежели ленивый итальянец в стране, облагодетельствованной всеми дарами природы. Нижние ярусы домов заняты лавками ремесленников. Там портной, тут резчик, столяр, кузнец, бочар сидят за работой при открытых окнах и дверях. Итальянец хочет видеть людей и беспрестанно быть на открытом воздухе; оттого-то кажется, они и не брегут о чистоте домов. Из узких промежутков, отделяющих дом от дома, исходит смердящий запах; замаранные стены, отвалившаяся штукатурка,

красные пятна по окнам и лестницам, помои, выливаемые из верхних ярусов, мертвые кошки и собаки, истлевшие на улицах – все вместе столько заражает воздух, что мы, заткнув нос платком, спешили взойти на гору в надежде найти там лучший воздух. По ступенькам, высеченным в горе, вошли в крепость, находящуюся на вершине горы внутри города. Здесь показали нам глубокий колодезь, из коего весь город довольствуется свежей водой. Колодезь находится внутри здания, покрытого столь толстым сводом, что кажется, бомбою пробить его не можно. Крепостные стены с сухопутной стороны неисправны, с моря же бастионы вооружены тяжелой артиллерией. Впрочем, Калиари лежит на высоте, обороняющей окрестности, и посему долго может сопротивляться.

Вошед в собор, мы удивились великолепию и богатству украшений. Темные своды, хорошая живопись и огромные столпы, поддерживающие тяжесть здания, внушали благоговение к сему древнему храму. Монахи водили нас по всем переходам церкви и на одном алтаре показали в золотом ковчеге голову святого Сатурнина. Мы к мощам сим приложились с благоговением и на блюдо, тут стоявшее, положили несколько монет. Удивленные францисканцы взглядывали друг на друга, казалось, хотели что-то сказать; но, посмотрев на праздный народ, за нами ходивший, смирено опустили вниз глаза, поклонились и, обратя умоляющий взор к небу, не сказали ни слова.

Дурной запах в комнате, в которой мы должны были обедать, отнимал у нас позыв на пищу. По стенам и окнам везде были пыль и паутины; кирпичный грязный пол не выметен, а только обрызган водой. Вместо скатерти послана была толстая тряпка; кушанье, даже жаркое и пирожное, на деревянном масле, и потому мы довольствовались только салатом, плодами и тем, что не было в руках повара. Едва ли можно себе представить что-нибудь неопрятнее итальянских трактиров; только в лучших городах можно найти хорошие.

После обеда привели нас на шелковую фабрику. И здесь виден народный характер итальянцев. Зала уставлена несколькими десятками самопрялок, на коих сучат и разматывают шелк. Отгадайте, кто их вертит так скоро? Индейки, петухи и куры. Она развязаны между двух рычагов, вставленных в ворот, который помощью шестерни обращает самопрялку. Индейка, опустя хвост, распустя крылья, с криком бегает по поддону, так скоро и до тех пор, пока, закружась, падает вверх ногами. Мальчик и девочка впрягают другую, а загнанную отправляют в трактир и говорят, что она от того бывает вкуснее убитой. Далее собаки, белки, зайцы, сурки и множество маленьких животных, разинув рты, с лаем, визгом, щелканьем, во всю силу скачут в средине колес; оные вертятся и бедное животное, боясь упасть на спину, поневоле прибавляет бегу, а самопрялка работает между тем наилучшим образом. В другой зале вываривают шелк, в третьей основывают на станки. На сих стальных станках помощью механизма, обращающего челнок, один работник отделывает в день две дюжины чулок; несмотря на смешное движение самопрялок, работа успешна, прочна и дешева. Заведя машины, производство работ и содержание стоит весьма недорого.

От фабрики прошли мы в гавань, где стояла галера и две полугалеры, составляющие всю морскую силу короля. Доходы его столь малы, что он имеет три или четыре тысячи солдат, и те так бедно одеты, что если бы не знамя и шляпы, пробитые пулями, то их узнать бы нельзя. В гавани нечего было смотреть; итак мы пошли за город. Проводник снял башмаки и, накинув фуфайку на одно плечо, гордо выступал пред нами. За городом ничего, кроме огородов и худых хижин, взору не представлялось; песчаная земля, солончаки и болото скоро нам наскучили, и мы, дошед до одной развалившейся церкви, воротились в город. Узнав же, что после зари ворота в крепости запираются, и притом наслышась, что опасно оставаться на дороге, ибо нищие за несколько копеек иногда убивают иностранцев, мы немедля поехали на корабль.

Несмотря на леность жителей, Сардиния весьма плодоносна. Кроме вина, масла, плодоносна. Кроме вина, мала, плодов, всякий хлеб родится в изобилии. В горах находят серебряные, железные руды и мрамор. Соль доставляет королю важный доход. У берегов ловятся

кораллы. Торговля, кроме сих произведений, состоит из шелковых чулок и красных шерстяных колпаков, по всей Италии употребляемых чернью. Воздух на сем острове от множества болот нездоров. Сардиния во времена римлян и при нынешнем короле, когда он имел Пьемонт, была местом ссылки. Сардинцы говорят испорченным наречием из смеси итальянского с испанским. Остров сей, уверяют, не имеет ядовитых пресмыкающихся гадов, и кроме лисиц нет других хищных зверей. Небольшое животное, подобное лягушке, называемое *мафроне*, принадлежит собственно Сардинии.

В древние времена греки, по сходству острова с башмаком или следом ноги, называли Сардинию *Сандалиотисом* и *Ихнузой*. Нынешнее имя, как утверждают некоторые, произошло от Сарда, сына Геркулесова. Первые обитатели жили рассеянно, скитаясь в лесах. Греки, поселившись в Сардинии, построили города, и с тех пор коренные жители были подвластны чужим владельцам. Карфагеняне, чрез 400 лет господствуя на Средиземном море, владели сим островом до окончания первой Пунической войны. Римляне во время мира, под предводительством Гракха, разграбили Калиари, тогда известный под именем *Кавалиса*, и скоро покоря сей остров, обладали им до падения Западной империи. В первом столетии по Рождестве Христовом, Калиари имел уже своих епископов, из числа коих Люцифер известен противоборничеством против Ария, и хотя его самого обвиняли в расколе, однако ж он признан святым и покровителем острова. Около 800 лет по Р. Х. сарацины в разные времена, приставая к острову, наконец в 852 году покорили оный и, выгнав жителей в Италию, триста лет спокойно оным владели. В сие время папа, в знак благодарности за услуги, подарил Сардинию Пизанской республике, которая, однако, сама должна была отнять его у сарацинов. После ста лет, едва пизаняне успели его покорить и в нем утвердиться, как другой папа подарил его Иакову II, королю Арагонскому, который в скором времени оным овладел и оставил в наследство своим потомкам. В 1350 году, по пресечении его колена, достался он королям испанским. В 1708 году англичане завладели островом; а в 1717 году опять были выгнаны, наконец в 1718 году по заключении Утрехтского мира австрийский император, которому он был уступлен Испанией, поменялся им на остров Сицилию с герцогом Савойским, и с сего времени Сардиния под именем королевства принадлежала Савойскому дому. В 1798 году Бонапарте, на походе в Египет, покушался взять Калиари; но наскоро собравшиеся крестьяне разбили вышедшее на берег войско его. Покорение Мальты вознаградило его за первую неудачу. В 1801 году по Амьенскому миру королю Сардинскому оставлен один только остров, а Пьемонт присоединен к Франции.

Король с некоторого времени живет в Риме, а под именем вице-короля управляет брат его герцог Женевский. Адмиралу нашему надлежало иметь аудиенцию у Его Высочества, и как должно было ожидать его приезда из загородного дома, то это и задержало нас несколько в Калиари. По воле Государя Императора адмирал предложил помощь для защиты Сардинии, и сей новый опыт дружбы принят вице-королем с чувствительной благодарностью.

1806 год

Плавание от Калиари до Мессины

В полдень 7 января, оставя Калиари, мы обошли мыс Карбонаро и миновали опасный камень, находящийся под водой в глубине на 20 футов. Малые суда в тихое время проходят чрез него безопасно, но при волнении многие на нем погибли. Переход до Мессины был самый приятный, время стояло прекрасное, тихий ветер едва двигал корабли и море чуть рябело. 8 января открылся остров Сицилия; немного после показались острова Липарские. Сицилия представляет взору высокие горы, постепенно в виде амфитеатра восходящие; леса покрывают их от подошвы до вершины. Вид Липарских островов еще красивее. Хотя они вулканического свойства, но покрытые зеленью и плодовитыми рощами, гордо возвышаются из волн моря. Тихо и близко плыли мы мимо сих Гесперидских садов: «Где взор, различными красотами влекомый, недоумевает, на которой из них остановиться, а вкус, зрелым наливом плодов прельщаемый, не знает, который из них избрать». Небольшие селения, на скалистом прибрежии расположенные, смотрятся в светлое зеркало вод, и лучи солнца, рисуя в нем земные предметы, на каждом шагу представляют новые картины. Острова сии, одни изрыгаемые подземным огнем, восстают со дна моря, другие исчезают и, покрываясь водой, становятся подводными камнями. Некоторые из них, по причине угасших или еще курящихся сопок, как то: Волкано и Волканелло, необитаемы. Вулканический пепел делает почву их столь плодоносной, что плоды достигают здесь последней степени совершенства. Мальвазия де Липари спорит в славе с Lacrime Cristi (слезы Христовы). Кроме сего вина и множества всякого рода плодов, особенно фиников, собирается на сих островах большое количество серы, купоросу, лавы и пемзы.

10 января приблизились мы к *Стромболи*. Благое Провидение, поставив вулкан сей на море, посреди расстояния и в прямой линии между Везувия и Этны, вечным его извержением, продолжающимся от начала веков, облегчает земную утробу от горючих веществ, которые, скопившись у последних двух огнедышащих гор и не будучи беспрерывно изрыгаемы первой, могли бы покрыть развалинами Сицилию и ниспровергнуть всю Италию. Жерло Стромболи находится не на вершине горы, как у прочих вулканов, но подобно как бы небольшая горка была приставлена к большой, из боку которой выходит извержение. Днем гора казалась спокойной, один дым покрывал ее вершину, море близ берега также курилось; но ночью представилось глазам нашим наичудеснейшее и прекраснейшее зрелище, какого нет лучше в природе. Море было тихо, небо покрыто мрачностью, тусклый месяц чуть проглядывал. Вулкан открылся нам, как превеликий горн, раздуваемый мехами и сыплющий вверх искры. Извержения, однако ж, умолкают и возобновляются почти чрез каждые 10 минут; они показываются в виде ярких молний, с ужасным стремлением вырывающихся из жерла. Пламя, постепенно увеличиваясь, составляло огромный огненный столб, который, расширяясь, производил грохот, подобный приближающемуся грому или треску падающего здания. Блеск вулкана, озаряя облака, изображал на них разноцветные радуги: червлен, яркий пурпур, лазурь с тончайшими оттенками, коими украшалось небо, представляло нам корабли и близлежащие острова горящими. Прекрасное зарево играло вдали на берегах Калабрии и Сицилии. В молчании взирали мы на сие великолепное явление природы; шум, треск, клокотание, подземный гром и раскаленные каменья, падающие в море и высоко вздымающие брызги, вселяли в нас благоговение к величию Божию. При виде извержения, кажется, и самый закоснелый безбожник долженствовал бы убедиться всемогуществом Творца. Остров Стромболи имеет в окружности 10 итальянских миль, вид его с моря показывается крутой и необитаемой скалой, на южной стороне

видна особенная горка остывшей лавы, западная сторона от жерла до моря засыпана пеплом весьма глубоко и потому совершенно недоступна. На северной же, где есть несколько хижин, родится виноград, дающий мальвазию, вино и здесь очень дорогое. Коринка, винные ягоды и финики почитаются превосходнейшими.

11 января при свежем утреннем ветерке эскадра входила в пролив, *Фаро ди Мессина* называемый. Опасности *Скиллы* и *Харибды*, прославленные поэтами Греции и Рима, столько устрашавшие древних, были для нас нимало не страшны. При младенчестве мореплавания, при несовершенстве строения древних кораблей, они были ужасны, ныне же и для скопомаре[21] незначущий водоворот. Мы прошли их при довольно свежем ветре, однако ж когда были против Фаро, ход кораблей приметно уменьшился. Пучины сии происходят от двух сильных течений: первая, называемая Скилла, идет от юга на север вдоль берега Калабрии; вторая, Харибда, жителями *Гарофало* именуемая, по тому же направлению стремится вдоль берега Сицилии. Великое количество вод, текущих от запада, севера и юга, сходясь в узком проливе шириной только 2 1/2 версты, отражаясь обоими берегами, не имея достаточного места для распространения, и с великим усилием входя в пролив, производят многие течения и то кружение воды, которое корабли, вошедшие в пролив при нечаянно стихшем ветре, по невозможности стать на якорь на большой глубине, носит туда и сюда и наконец бросает на Калабрский берег или на песчаную косу, где стоит маяк Фаро. В тихое время пролив волнуется, поверхность воды в самом узком месте канала кипит и заметно у берега прибывает. Все пространство пролива от спорных течений пестреет остроконечными мелкими волнами; они крутятся вокруг и быстрыми струями несутся в разные стороны. Благоразумие требует при входе в пролив брать лоцманов, которые, по долговременным опытам, знают направления сих необычайных течений и в случае несчастья, происшедшего от их неосторожности, отвечают жизнью. Прилив и отлив не следует правильности, в океанах бывающей. Оные переменяются здесь чрез каждый 4 часа, между коими в продолжение 2 часов течения находятся в беспорядке и действуют по всем направлениям. Таковой беспорядок начинается часом прежде восхождения и захождения луны; в продолжение сего времени, когда посреди пролива бывает отлив, близ берегов действует еще прилив и сие необыкновенное явление называют il bastardo (незаконнорожденное). Настоящее течение воды находится посреди пролива. При новолунии и в равноденствия пучины стремятся с великим напряжением, а в осьмый день по новолунии довольно тихи, так что, держась ближе Фаро и берега Сицилии, безопасно можно проходить пролив и без лоцмана. В случае, если ветер начнет упадать, не медля должно бросить якорь и ошвартовать[22] корабль кормой к берегу, который хотя низок и песчан, однако ж в недальнем от себя расстоянии имеет от 15 до 20 сажен глубины. Несмотря на значительное возвышение и падение воды у Фаро, в Мессине, которая от сего маяка находится только в 12 верстах, оные почти неприметны.

Вид Мессинского пролива очарователен! Корабль плывет между садов, и так близко, что, кажется, оных касается; с левой стороны у Реджио представляется низкий берег, от моря ровным скатом примыкающий к коническим, пирамидальным, круглым и разных видов горам, наваленным одна на другую; снежные верхи их белеются, а скаты и долины покрыты темным лесом. Маленький Гибралтар, крепость Скилла, прилепленная к верхушке дикой скалы, висит над самой пучиной и кажется падающей. На север от нее отвесный берег являет взору гранитную стену. На правой стороне на оконечности низкой песчаной косы стоит прекрасный с колоннадой маяк Фаро, который, кажется, тонет, погибает в шумящей вокруг него пучине. От Фаро к Мессине по набережной, померанцевые, апельсиновые и лимонные аллеи заключают бирюзовую зелень различных овощей, далее, внутрь острова, невысокие горы постепенно восходят лестничными уступами; верхи их остры, бока срезаны и как бы нарочно обделаны искусной

[21] Лодки, употребляемые в Италии, чрезвычайно скоро под парусами и на веслах плавающие.

[22] Привязать корабль канатами к берегу.

рукой. Горы сии покрыты масличными, миндальными и миртовыми лесами. По берегам пролива, текущего величественной рекой, постепенно расширяющегося и наконец сливающегося с морем, представляются три крепости и множество загородных домов, монастырей и селений. Пристань Мессины, всегда наполненная стоящими в ней, входящими и уходящими в море кораблями, движением своим дополняют сию чудесную картину, как бы нарочно поставленную посреди густой и вечной зелени. Вдали синеет колоссальная Этна; лучи солнца, заимствуя новый блеск от снежной ее вершины, играют многоразличными огнями; от жерла ее прямой столп дыма взвивается выше облаков. Она теперь дремлет и отдыхает; а может быть, думал я в сие время, собрав новые силы, грянет, истребит окрестности и поглотит тысячи несчастных жертв.

Гром пушек возвестил наше приближение к Мессине; не более как в 30 саженях от берега на всех парусах летели корабли вслед за своим адмиралом. Огромный оркестр духовой музыки, сопровождаемый несколькими выстрелами с корабля «Ярослава», отвечал на приветствия кораблей эскадр Грейга и Сорокина, возвращавшихся с войсками из Неаполя. Бриг «Аргус», оставший у Сан-Винцента и который мы почитали потерянным, ибо в Гибралтаре были слухи, что испанцы взяли его в плен, сверх чаяния стоял в гавани. Красный флаг был причиной, что по нем испанские канонерские лодки сделали несколько выстрелов; но когда переменили оный белым, испанский капитан извинился, что он третьей дивизии наш флаг счел за английский и потом, не позволив бригу зайти в Гибралтар, выпроводил его из пролива. Лишь только вошли мы в ворота гавани и бросили два якоря на север и на юг, тотчас толстыми канатами привязали корабль к самой набережной.

Мессина, 11 января

Узкая, песчаная коса дает Мессинскому порту подобие круглого бассейна, в котором 500 кораблей стоят подле самой набережной, в безопасности от всех ветров. Харибда шумит по ту сторону самородной сей плотины, а чрез нее сто шагов в порте так тихо, как в копаном пруде. Тут природа, кажется, хотела доказать ничтожность и несовершенство произведений искусства. Вид гавани, наполненной кораблями всех торговых государств, кроме французских, чрезвычайно занимателен: множество мачт уподоблялось выросшему из воды густому лесу, украшенному собранием всех цветов, пестреющих на флагах и вымпелах. Корабли военные и купеческие, тесно помещенные, один за один сцепившись реями и связавшись флагами, казалось, в залог дружбы взаимно обнимались.

Землетрясение, бывшее в 1783 году, разрушило лучшую часть города вокруг порта. Несмотря на сие, Мессинская набережная имеет нечто особенное, и с своими развалинами превосходит все доселе мною виденные. Нельзя не сожалеть, что до сих пор не возобновляют сей славной *Палацаты* или *ла Калата*, которая, огибая порт в виде полумесяца, составляла прекрасную широкую улицу длиной в две версты; и, как по остаткам колонн, балконов и портиков судить можно, была изящнейшей архитектуры. Самый город, с гаванью внизу, с высоким над собой замком, с зубчатыми полуразвалившимися вокруг стенами, подобно Иерусалиму, занимает уступы нескольких раздельных гор громадой зданий и храмов. Величавые куполы церквей готического зодчества, вместе с фасадой палацаты, обращенной к морю, представляют амфитеатр строений, стоящих одно на другом. Смотря на них с корабля, думаешь видеть пред собой театральную декорацию. Красота положения Мессины составляет такую перспективу, что взор невольно тут блуждает с предмета на предмет.

Эскадре назначен был 16-дневный карантин, но, по настоянию главнокомандующего, оный тот же день был уничтожен. Ввечеру, когда набережная наполнилась прогуливающимися, вышли мы на берег. Черное тафтяное платье, обыкновенный наряд здешних дам; множество монахов в белых, черных и кофейных рясах; одежды турков, греков, славян и итальянцев

такую делают пестроту, какой редко где видеть можно. Красные мундиры английской пехоты, странная одежда шотландских горских стрелков в пестрых юбочках, мужественный вид наших гренадер в простреленных касках с надписью: «*С нами Бог*»; все сие противоположностью своей занимает зрителей приятным образом. Одушевленная веселость народа, забавляющегося кукольной комедией и арлекином, производит шум и необыкновенное движение. Мне весьма приятно было слышать, как усатые наши солдаты развязно и ласково разговаривали с итальянцами: таковая способность русского скоро приобретает ему любовь во всех землях. Вежливость и щедрость русских особенно нравится искательным итальянцам. Здесь предпочтительно русскому готовы возможные услуги. За деньги? Но где же что-нибудь делается без сего человеческого идола. Посмотрите на итальянца, увидите, что при получении им нескольких карантан восторг изображается на его лице; он не столько рад карантане, как случаю, что мог услужить русскому. Француз, англичанин, если не обижают бедняка, то, по крайней мере, хотят казаться существом гораздо его благороднейшим. Русский не ищет сего преимущества и желает быть ему равным. Вот немаловажные причины, от чего итальянская чернь кричит нам: «E viva Moscov! Да здравствуют русские!» В Италии, чтоб казаться обыкновенным иностранцем, надобно не быть русским, и чтоб быть покойным, нужно скрываться. Потому съезжаем мы на берег во фраках; в мундирах же мы влекли бы за собой толпу народа.

Взяв билеты для оперы, спросил я, когда начнется представление? В два часа ночи. Хотя и поздно, прихожу в назначенное время; но театр был заперт, и тогда только вспомнил, что в Италии часы ночи считаются от захождения, а часы дня от восхождения солнца.

Главная улица, идущая с юга на север сзади палацаты, широка, обстроена четырехэтажными, совершенно единообразными домами, вымощена платой, а тротуары мрамором и лавой. Некоторые церкви, коих здесь очень много, не по наружности, а по внутренним украшениям, заслуживающим особое внимание. В древнем здании собора кафедра и барельефы сицилийского скульптора Гажини наилучшего вкуса. Мозаика главного алтаря собрана из самоцветных камней; в оной фигуры и тени, смотря издали, нельзя отличить от живописных. Образа и алфреско кисти Гальяти, также родом сициалианца, равняются с тинторетовыми. Золотые и серебряные сосуды, хранящиеся в сокровищах храма, показывали нам с гордостью и за большую редкость; ибо они работы Гевари, известного римского художника, который родился в Мессине, и вдохновением одного гения, не подражая никому, в сем роде достиг совершенства. Вообще все здешние церкви слишком обременены позолотой и мраморными изделиями. Монастырь Св. Григория почитается богатейшим, а иезуитская коллегия, в коей должно подымать чрез несколько лестниц и террас, по справедливости может гордиться прекрасным положением и живописью мессинеза Рафаэля Сицилии, в сочинении, отделке и исправности рисунков коего соединены вкус и разительная приятность. Из многих статуй, украшающих город, белого мрамора фонтан на набережной, представляющий Нептуна, налагающего цепи на Скиллу и Харибду, изображенных морскими чудовищами с семью главами, как их описали древние поэты, школы Мишель-Анжела, работы превосходной. После сей группы монумент дон Жуана Австрийского, стоящий подле губернаторского дома, кажется весьма посредственным.

При нынешних обстоятельствах, когда вся Италия во власти французов, Мессина сделалась весьма важным торговым городом и убежищем многих добровольных изгнанников. На фабриках делают гарнитуры, шелковые чулки, ковры и тафту, известную у нас под именем ноблес. Кроме плодов, особенно апельсинов, вина, масла и пшеницы, соль составляет главный торг.

В ночь 12 января фрегат «Назарет» с 4 английскими транспортами бросило на мель у Фаро, а бриг «Летун» на Мессинский маяк. К счастью, тишина продолжалась двое суток; фрегат, бриг и три транспорта посланными с эскадры людьми сняты с мели без вреда; один же транспорт, у коего проломило дно, принуждены были оставить. 13-й егерский полк, находив-

шийся на сих судах, разместили по кораблям нашей эскадры, которая быв сим задержана, оставила Мессину 16 января.

Плавание от Мессины до Корфы

Когда мы обошли Спартивенто, южный мыс Калабрии, сильный ветер развел волнение и корабли, идучи бейдевинд[23], качались подобно легким челнокам. В ночь с 16 на 17 января, после кратковременной грозы, у корабля «Уриила» повредило фор-стеньгу[24]. Адмирал оставил при нем «Селафаил» и бриг «Феникс», а с остальными кораблями к вечеру 18-го прибыл к южному проливу. Ветер был свеж, довольно крут, пролив стеснен отмелью и подводными каменьями. Адмирал удивил нас своей решительностью и искусством пользоваться знанием мест. При захождении солнца поднят был сигнал сомкнуть линию и следовать за его кораблем. В непроницаемой темноте мы прошли благополучно все опасности, и около полуночи эскадра положила якорь под стенами Корфу, главной цели нашей экспедиции. Плавание от Кронштадта до Корфу, считая под парусами, совершили мы в 38 дней. Спустя два часа пришел на рейд из Неаполя командорский корабль «Ретвизан».

Идучи от Мессины к Корфу при южных ветрах, держать должно на остров Санто-Мавро; а при северных – на северную оконечность Корфы для того, что в Ионическом море течение вместе с ветром стремится или в Адриатическое море, или к югу вдоль берегов Мореи. Вошед в южный пролив, должно держать ближе к острову Паксо, ибо от мыса Бианко отмель простирается до половины пролива. Другая песчаная мель от Пундо де Саине идет к северо-востоку на половину мили; дабы обойти другие отмели, находящиеся по восточную сторону Корфы, держат близ албанского берега до тех пор, пока придут напротив города. От Пунто де Салине на 20 саженях глубины в десяти милях расстоянием, Корфа открывается островом, но, приближаясь к оной, видишь на оконечности мыса крепость. Северный пролив шириной около 3 верст, кроме одного камня равного с водой, не имеет других опасностей. Рейд Корфы, находящийся между городом и островом Видо, имея глубину 8, 10 и 12 сажен, грунт ил, доставляет кораблям безопасное убежище. Преимущество сего порта есть то, что флот тем или другим проливом при всяком ветре может выйти в море. У Лазаретто, острова, лежащего к западу от Видо, суда выдерживают карантин. Мелкие военные суда стоят в Мандраки гавани, что у цитадели, тут же и Адмиралтейство. Венециянские доки и канал в Гуви оставлены, и строения, стоившие несколько миллионов, представляют теперь одни развалины.

Корфа

На восходе солнца гром пушек возвестил пришествие нового главнокомандующего. Эскадры Грейга и Сорокина отдали паруса, а старший командорский корабль «Ретвизан» приветствовал вице-адмирала 9 выстрелами, республиканская крепость салютовала ему 15, а разных наций купеческие суда 3, 5 и 7 выстрелами. Все военные суда в знак вступления под начальство Сенявина, спустили белый и подняли красный флаг. Между тем, как корабль «Ярослав» отвечал на сии поздравления, генерал-майор Анреп с генералитетом, командор Грейг с капитанами на шлюпках под флагами плыли со всех сторон к адмиральскому кораблю, на котором как во время прибытия, так и по отшествии сих посетителей играла музыка, сопровождаемая громом литавров и барабанов. Число сухопутных войск, поступивших под команду вице-адмирала Сенявина, простиралось до 13 тысяч, состоящих из следующих полков: муш-

[23] Ближайший путь к ветру.

[24] Среднее колено передней мачты.

кетерских – Куринского, Козловского, Колыванского и Витебского; из 13-го и 14-го егерских полков и легкопехотного Албанского легиона, сформированного из эпиротов. Сибирский гренадерский полк с генерал-аншефом Ласси, прежним главнокомандующим, и генерал-майором Анрепом вскоре отправился в Россию.

Морскую силу, кроме 5 кораблей, фрегата и 2 бригов, пришедших из Кронштадта, составляли следующие корабли:

1. «Ретвизан» о 64 пушках, капитан-командор Грейг. 2. «Елена» о 74-х, капитан Иван Быченский. 3. «Параскевия» о 74-х. Командор Сорокин и капитан Салтанов. 4. «Азия» о 74-х, капитан Белли. 5. «Михаил» без пушек для перевозу войск, капитан Лелли. Фрегаты: 1. «Венус» о 50 пушках, капитан Развозов. 2. «Михаил» о 44-х, капитан Бакман. 3. «Армений» под госпиталем. Корветы: 1. «Диомид» о 24-х, капитан Палеолого. 2. «Херсон» о 24-х, капитан Чаплин. 3. «Алциное» о 18-ти, лейтенант Титов. 4. «Днепр» о 18-ти, лейтенант Бальзам. 5. «Григорий» большого размера военный транспорт 24-х. 6. «Павел», о 18 пушках Бриги: «Орел», «Александр», «Бонапарте», «Летун», «Богоявленск», шхуна «Экспедицион», каждый о 16 пушках. Весь флот состоял из 10 кораблей, 5 фрегатов, 6 корвет, 6 бригов и 12 канонерских лодок. На всех сих судах 7908 матросов, морских солдат и артиллеристов, и 1154 пушки. Сверх оных взято от французов: шебеки «Азард» и «Забияка» о 16 пушках, да из призовых судов переделаны корветы: «Дерзкий» о 28 пушках Кап. Салши, «Версона» о 22-х, лейтенант Кричевский.

Первый день пребывания в Корфе провели мы во взаимных посещениях, шлюпки беспрестанно переезжали с корабля на корабль; всякий спешил видеть друга, товарища и брата. Вот названия, какие дают друг другу товарищи-кадеты. Морские офицеры, исключая немногих, воспитывались в Морском корпусе, как в единой колыбели, чрез привычку и одинакие нужды с младенческих лет связуются узами дружбы. На скользком пути жизни, на военном поприще, где зависть часто разрывает твердейшие связи, друзья-товарищи до глубокой старости пребывают верными. Примеры тому в нашей службе нередки, даже и в таких случаях, когда один сделается начальником, а другой подчиненным. Отсего-то корпус морских и артиллерийских офицеров составляет самое согласное общество. Выгода общественного воспитания тут очевидна. На кораблях, в армии и везде, где более офицеров из кадет, там, как известно, более и единодушия.

На другой день я успел побывать в казино, на Спьянадо, обошел по валу кругом город, был в театре; но, признаюсь, по незнанию языка мало имел удовольствия. Для сего решился как можно скорее научиться по-итальянски и при первом удобном случае осмотреть достопримечательности Корфы со вниманием. В опере речитатив до крайности мне наскучил, а в пении странно показалось, что умирающий герой продолжал петь очень громко; балет же, составленный из лучших итальянских танцоров, показался мне превосходным, и я должен был согласиться, что до сего времени видел одних фигурантов. Здешние прыгуны еще лучше смелее, удивляют смертными скачками (Salto mortale), а первый танцор и прекрасная танцовщица Гаетани подлинно летали на сцене. Пантомима их так же, как и легкость, приличность и согласие с музыкой, совершенны.

Дабы показать читателю, сколько важно было в отношении политическом пребывание наше здесь и какие выгоды Корфа представляла для торговли нашего Отечества, я предлагаю краткое обозрение.

Петр Великий, построив флот, хотел поставить Россию в число морских держав, обогатить подданных своих распространением судоходства, которое, как известно, прибыльнее, нежели сухопутная торговля. Моря, принадлежавшие тогда России, были тесны для обширных намерений мудрого Просветителя нашего: он искал приобресть в отдаленной стране хотя мало владение, дабы, имея там флот, приуготовить нужное число мореходцев. Эскадра, на сей предмет посланная к острову Мадагаскару, лежащему у южной оконечности Африки, повре-

жденная бурей, возвратилась без успеха. Екатерина II, следуя по стопам Великого из Царей, во время счастливой войны с турками 1770 года, желала от Венециянской, тогда к падению клонившейся республики, приобресть остров Итаку; но смерть Иосифа, мир, заключенный Леопольдом с турками, и недоброжелательство Англии, Пруссии и другим посредствовавших в мире держав, воспрепятствовали и сие привесть в исполнение. Наконец, когда чад Французской революции, мечтания о вольности, отвержение самого Бога, угрожали ниспровержением законных властей, ужасом безначалия и прежним невежеством готических времен, когда три сильные державы соединились, когда Суворов освободил Италию, восстановил веру и царей, тогда адмирал Ушаков, начальствуя российским и турецким флотом, покорил Корфу, выгнал французов из Неаполя и Рима, и в 1801 году 21 марта на Амьенской конгрессе Республика семи соединенных греческих островов признана под покровительством России и Турции.

Ионическая республика по географическому положению есть ключ Италии в врата древней Греции. Корфа, имея одну дивизию пехоты и десять линейных кораблей, не только безопасна от неприятельского вторжения, но становится важной точкой наблюдения между северными и южными государствами. Народы Италии, угнетенные чуждым игом, отклоняя влияние других соревнующих держав, из Корфы ожидали своего освобождения. С другой стороны, греки, обитающие в Морее, Албании и Архипелаге, при незначущих наших силах мечтали о вольности. Славяне, живущие на восточном берегу Венециянского залива, гордясь одним с нами происхождением и верой, считали Корфу своей столицей. Кротость правления, благость и праводушие нашего монарха соединяло в пользу нашу различные народы, и мы, будучи окружены тогда неприятелем, находили себя столь же безопасными, как бы и в самой Москве. Расположение итальянцев, религия греков, язык и одинакие обычаи славян, общая искренняя любовь и преданность народов, служили нам щитом надежным и самым лестным.

Корфа для торговли Черного моря необходима. Находясь посреди Средиземного моря, она представляет безопасное убежище, надежную защиту и место для складки товаров. Какие выгоды приобретает наше Оте чество от сего порта, доказательством служит то, что в 1806 году и до половины 1807-го, число торговых судов, исключая бокезских, увеличивалось более, нежели вчетверо. В Средиземном море российский флаг преимуществовал над всеми прочими. В другом отношении Корфа представляет важнейшие выгоды. Россия, почитаясь второй морской державой, имеет одно Черное море способное для плавания круглой год, Балтийское же открыто бывает только пять месяцев, имея же Корфу, морские офицеры и 10 000 матросов приобретают познания в чужих морях. Сим помышление Петра и желание Екатерины было исполнено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.